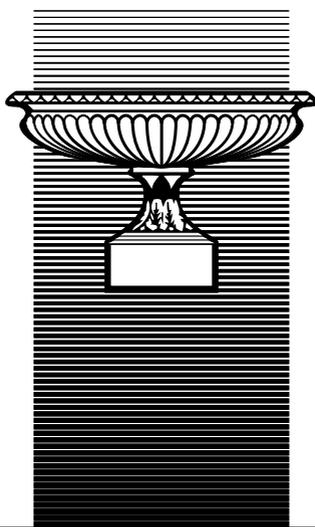

АЛТАЙ

1/2018

Издается с 1947 г.

А Л Т А И

МАРТ

1/2018

*литературно-художественный
публицистический
культурно-просветительский
журнал*

16+

СОДЕРЖАНИЕ

XV съезд Союза писателей России

<i>Анатолий Кирилин. «Союз писателей нужен». Интервью. Беседу вел Константин Гришин.....</i>	<i>5</i>
--	----------

Поэзия

<i>Ирина Евса. Шествие. «Пятые сутки баржу болтает в море...». «Говорит приёмщик, пасынок, лишний рот...». «Видно, здорово напился, убаюкивая дух...». Поезд. «Верка ропщет, ропщет: «Надо же так суметь!...». Зависть. «Все-таки — юг с опрятным его платаном...». Закрывая дачу. «Молодое светило вылезло на вершок...»</i>	<i>10</i>
<i>Светлана Костина. Про Украину. Однажды ночью. Предали женщину. Простая история</i>	<i>46</i>

Поэзия. Пражский десант

<i>Леонид Поторак. В утешительных сумерках. Стихотворный цикл.....</i>	<i>119</i>
<i>Людмила Свирская. «Подожди меня, дождь: я с тобой!...». «Когда-то я летела вверх по лестнице...». Бывшие жены. Вновь о Высоцком. «В кафешку не пробиться ни в одну...». Уроки русского</i>	<i>124</i>
<i>Ольга Белова-Далина. Марине Цветаевой. «Леностью мысли недолго вольна...». 7 августа. В амплитуде футуризма. «Тот, кто сидит на привязи в часах...». «Луна опять играет в полнолуние...». Молитва о Донбассе.....</i>	<i>128</i>

Проза

<i>Евгений Скрипин. Власихинское кладбище. Геронтология любви. Русский хач. Три рассказа из цикла «Не раб.»</i>	<i>18</i>
<i>Ирина Гришина. Жестокий трамвай семерочка. Лёва Пифагор. Рассказы</i>	<i>34</i>
<i>Елена Бызова. Некриминальный распил. Рассказ.....</i>	<i>148</i>

Проза. Иереи

<i>Виктор Теплицкий. Кириллыч. Рассказ</i>	<i>51</i>
--	-----------

Сергей Адодин. Пономарка. <i>Рассказ</i>	55
Андрей Ушаков. Космическая история. Случай с алтайцем. Самоубийца. <i>Рассказы</i>	60

Литературное наследие

Владимир Росов. Наместники уезжают, князья возвращаются. <i>К первой публикации пьесы В. Ф. Булгакова «Рюрикович»</i>	64
Валентин Булгаков. Рюрикович. <i>Пьеса. Подготовил к печати Владимир Росов</i>	70

Дебют

Антонина Шнайдер-Стремякова. Старики. <i>Рассказ</i>	133
Татьяна Кадочникова. Как печь с домом мирили. Мороженое. <i>Два рассказа из цикла «Стеклышки из детства»</i>	138

Очерк

Анатолий Кирилин. Потерянные берега	152
--	-----

Из дневников

Василий Рублёв. «Открывается не всем...». <i>Подготовил к печати Александр Рыжов</i>	192
---	-----

Владимир Росов

Родился в 1954 году. Российский историк-востоковед, руководитель отдела «Наследие Рерихов» Государственного музея Востока (Москва). Исследователь биографии и творчества сибирского классика Георгия Гребенщикова, автор сборника «Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове» (2004). Член Союза писателей России.

НАМЕСТНИКИ УЕЗЖАЮТ, КНЯЗЬЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

К первой публикации пьесы В.Ф. Булгакова «Рюрикovich»

Русская культура полна удивительных совпадений. В ее лоне десяток Ивановых, три-четыре Толстых и столько же Булгаковых. Несомненно, богатство и полнота слова протекают от широты пространства, от бескрайних далей великой России. Наша литература несет в себе мощный духовный заряд, который накапливается и со временем превращается в нравственный потенциал нации. Вокруг отдельных писателей образуется даже некий самостоятельный культурный слой, дающий плодотворную почву для новых поколений.

Взять, к примеру, того же Льва Толстого. В его окружении на склоне лет появился московский студент, сибиряк Валентин Булгаков. Он — последний личный секретарь Толстого, один из организаторов и хранитель столичного музея писателя, открытого на Кропоткинской (1920), а затем и музея-усадьбы в Хамов-

никах (1921). Судьба молодого литератора, получившего широкую известность благодаря публикации дневника «У Л. Н. Толстого в последний год его жизни», на родине оказалась трудной. После Октябрьской революции Булгаков стал эмигрантом. Его имя в нашем отечестве не столь заметно, как другие имена, и до сих пор остается без должного внимания. Оно как бы затмевается обликом Михаила Булгакова, известного своими эпохальными произведениями «Дни Турбиных» и «Бег». Но тем не менее есть другой Булгаков и другая литературная реальность, имеющая отношение тоже к эмигрантской жизни.

Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) родился на юге Западной Сибири, в городе Кузнецке Томской губернии (Алтайский горный округ). Детство и юность были тесно связаны с высокими идеалами художественной литературы. Достаточно упомянуть первые писательские пробы, принесшие успех и признание. Популярная газета «Сибирская жизнь» опубликовала статью «Ф. М. Достоевский в Кузнецке». Обучаясь в Москве, Булгаков стал ревностным последователем Льва Толстого и навсегда связал свою жизнь с его творческим наследием. Четыре года, с 1912-го по 1916-й, он занимался описанием большой толстовской библиотеки в Ясной Поляне. Пацифист по убеждениям, Булгаков оказал ощутимое влияние на российское общество в период Первой мировой войны, участвовал в социальных движениях, писал антимилитаристские воззвания, ратовал за сближение религиозных конфессий, помогал голодающим в Поволжье. Но главное, выступил против красного террора, насилия большевиков и братоубийственной гражданской войны. Исход был предрешен — в марте 1923 года высылка из Советской России за границу вместе с семьей.

Валентин Булгаков поселился в Праге. Его кипучая натура находит применение и в русском зарубежье. Он ведет активную просветительскую работу, ездит по Европе с лекциями о Льве Толстом, участвует в антивоенных акциях, занимается переводами и даже преподает русский язык. Конечно же, литературная деятельность — это важная основа его существования как наследника великого классика. В 1920-х и начале 1930-х выходят в свет книги: «Толстой-моралист» (1923), «Трагедия Льва Толстого» (1928),

«Толстой, Ленин, Ганди» (1930). А вскоре еще и «Индия — великий опыт» (1931, на немецком и французском языках). Последнее произведение наследует индийскую традицию непротivления злу, провозглашенную Махатмой Ганди. Булгаков называет себя учеником Ганди, признает путь мирной «духовной революции», без насилия и крови. Он верит в Новую эру человечества, которая не будет опалена войной. Эта революция духа грядет из России.

Идеи «гандизма» всецело захватывают Валентина Булгакова. Он ожидает свет с Востока, из Индии. Там живет русский художник Николай Рерих, взывающий о «мире всего мира» с Гималайских высот. И вскоре Булгаков получает весть. Рерих пишет своему собрату: «Итак, когда мы знаем, что Вы — алтаец, Вы нам еще и еще ближе» (31.05.1938). У них одна цель и общая любовь к Алтаю, который художник считает не только «жемчужиной Сибири», но и всей Азии. Они оба радеют за сохранение отечественной культуры в зарубежье.

Булгаков берется за создание первого музея русской эмиграции, открывает его в Праге в 1935 году. А через три года в Культурно-историческом музее произошло неординарное событие — распахнул двери Зал академика Николая Рериха. В нем экспонировалось полтора десятка живописных полотен художника и еще несколько портретов и пейзажей его сына Святослава. После Второй мировой войны, в 1948-м, Булгаков вернулся из эмиграции на родину и привез всю коллекцию пражского музея в Мо-

Лев Толстой и Валентин Булгаков. 1909

скову. Он поселился в Ясной Поляне, поближе к месту, где всегда витает дух великого Толстого. Там Булгаков завершил миссию, связанную с сохранением памяти наставника и учителя, работал научным сотрудником, главным хранителем, исполнял

обязанности директора музея. Там же, на тульской земле, нашел и свое упокоение.

Важная сторона литературной деятельности Валентина Булгакова — драматургия. Его перу принадлежит несколько пьес. Первая из них, драма «Астапово», посвящена «уходу Толстого» и его смерти. Она сразу же была принята к постановке Русским Драматическим театром в Таллинне. И позже вышла отдельным изданием в Китае, в Тяньцзине, под названием «На кресте величия» (1937). Успех пьесы был гарантирован благодаря самой фигуре классика и неоспоримой достоверности, тонкости изложения, полученной читателем, что называется, из первых рук.

В газете «Русское слово» (1938, 22/23 мая) появилась рецензия критика Сергея Горного. Он писал, что герои даны «сильными мазками, создающими запоминающиеся образы». Внимание театрального сообщества привлекли психологические особенности произведения. В пьесе разворачивается яснополянская жизнь, те несколько недель и даже дней, которые предшествовали событиям на железнодорожной станции Астапово. Эта «последняя станция» и станционная комната при ней стали полем битвы, где в семейных тенетах, в агонии и горечи билась душа писателя. Роковые моменты ухода в художественном плане у автора самые убедительные. В земных сетях — страдающий Лев, но все же с мягкой, нежной натурой, усмирившейся на пороге смерти. И его последние слова: «На свете страдает пропасть людей, а вы собрались тут вокруг одного Льва». Они звучат из умолкающих уст как венец смирения.

Именно успех драмы «На кресте величия» вызвал у Булгакова страстное желание писать новые драматические произведения. В их основу положена историческая фактура: «Эдгар По» (1940), «Рюрикович» (1940), «Цветок Небес» (1942). Последняя из перечисленных пьес особенная, она источает аромат китайской древности. Оригинальное название дополнено и уточнено автором — «Цветок Небес, или Выставка сокровищ». Восточный сюжет близок западному читателю, которого автор переносит на 500 лет до Р. Х. в Китай эпохи Цинь, где произошло историческое событие — первая в мире художественная выставка.

С проведением выставки была увязана попытка одного из удельных князей Поднебесной завладеть императорским тронном. Правитель Ван-Ляо решает заманить императора и его подданных в столицу своего удела на выставку. У него зреет коварный план перебить всех гостей, но в ход предумышленных событий вмешивается провидение в лице прекрасной дочери князя по имени «Цветок Небес».

Идея борьбы за власть остается извечно притягательной в мире людей, и в этом отношении пьеса по сей день не теряет своей свежести и актуальности. Окончательный вариант рукописи был завершен по возвращении Булгакова из эмиграции, он датируется 1956 годом, однако издана пьеса уже в наше постсоветское время.

Пожалуй, не меньшего внимания, чем драма о Толстом и «китайская» комедия, заслуживает «Рюрикович». Пьеса написана в 1940 году и тогда же прошла апробацию среди друзей-эмигрантов. Автор читал новое произведение в Кружке по изучению современной литературы при Русском свободном университете в Праге (5 декабря 1940) и затем в доме у Ломшаковых (12 марта, 1941). Кстати, Алексей Степанович Ломшаков, крупный русский инженер и общественный деятель, родом из Барнаула. По цензурным соображениям рукопись пьесы Булгаков не стал брать с собой, уезжая в Советский Союз. Она осталась в Литературном архиве Национального музея в Праге. Писатель сформировал там специальный фонд, чтобы сохранить часть своего наследия. В чем же состоит интрига, и почему труд Булгакова оказался запечатанным в заграничном архиве?

Драма «Рюрикович» повествует об эмигрантской жизни, точнее говоря, о послереволюционной большевистской России и нетленных нравственных ценностях русского народа. Главный герой пьесы представитель древнего дворянского рода Рюриковичей, князь Стародубский, в 1927 году нелегально под видом дьячка возвращается из Парижа на родину через эстонскую границу. Он пробирается в свое поместье Буйносово во Владимирской губернии. Его влечет тоска по прошлому, желание напитаться соками родовых корней и разыскать брошенную в горячке революции любимую им невесту, школьную учительницу Кременцову. Годы

летят, но она ждет князя, она, как камень, стойкая в ожидании и любви.

Трагические события разворачиваются прямо в бывшей дворянской усадьбе. Встреча с невестой приносит князю надежду на будущее. Вместе они мечтают уехать на Алтай, чтобы затеряться в каком-нибудь тихом уездном городке на сибирских просторах. Но всевидящее око чекистской власти выслеживает князя Стародубского. Он попадает в тюрьму ГПУ и погибает там, в кругу собратьев, православных священников. Как обычно бывает в драматических произведениях, полюс зла сосредоточен в антигерое. Комиссар Бубенцов, бывший надзиратель, надсматривает за мужицкой деревней. Он является главным в поместье — наместник, размахивающий наганом. Бубенцов — это пустозвон, звенящий бубенчиками у трона, на котором восседают цареубийцы. От него сваливаются все несчастья на Стародубского.

Современники, особенно молодежь, имеют туманное представление о том, что такое ГПУ, то есть Государственное Политическое Управление, организовавшее после революции 1917 года жестокий террор и репрессии собственного народа. Это как бы далекое прошлое, страшный сон, который не очень беспокоит нынешнее поколение. Многие российские граждане уезжают теперь за границу, едут за сытным достатком и рубят наотмашь по своим духовным корням. Но князь Стародубский, наоборот, под страхом смерти стремился вернуться в Россию.

Следует обратить внимание, какую фамилию автор дает своему герою. Стародубский — это человеческий колосс, старый дуб с мощными корнями, его невозможно вырвать из родной почвы. Будущее представляется князю как служение собственному народу, он хотел стать учителем в школе или священником в церкви. Нравственные законы превыше всяческих удобств, сиюминутных наслаждений жизнью, даже превыше самой смерти. Это тихая совесть, скрытая в сердце каждого человека.

Пьеса Валентина Булгакова долго оставалась недвижимой, рукопись 50 лет хранилась в пражском архиве и ее копия — 20 лет в письменном столе публикатора. Наконец, волею судеб она приходит к читателю. И не просто для досужего чтения, но к читателю родному и мыслящему, приходит на малую родину писателя.

Валентин Булгаков

Валентин Булгаков (1886-1966)
Родился в городе Кузнецке
(ныне Новокузнецк) Томской
губернии. Последователь и последний
личный секретарь Л. Н. Толстого,
один из организаторов и хранитель
столичного музея писателя.
Почти двадцать лет, до конца жизни,
возглавлял Яснополянский музей.

РЮРИКОВИЧ

Драма в 5 действиях, с прологом

Действующие лица

Князь Дмитрий Алексеевич Стародубский, известный общественный деятель, позднее — эмигрант

1-й, 2-й и 3-й офицеры Белой армии

Раненый солдат

Иван Иванович Квашнин, бывший профессор философии, эмигрант

Генерал Кирилл Петрович Арцышевский, эмигрант

Начальник советского пограничного поста

Красноармеец-пограничник

1-я и 2-я бабы в русской деревне

1-й и 2-й мальчики

Иван Федотович, бывший камердинер князя Стародубского, старик

Комиссар бывшего имения князя Бубенцов

Наталья Сергеевна Кременцова, сельская учительница

Архиепископ, молодой архиерей, пожилой архиерей, архиерей с мрачной наружностью (заключенные в тюрьму ГПУ)

Крестьяне, рабочие, епископы

Действие происходит в Севастополе при отступлении Белой армии в 1919 году, в Париже, на советско-эстонской границе и в центральных губерниях Советской России в 1927 году.

Пролог

1919 год. Эвакуация Белой армии. Графская пристань в Севастополе. Бухта. Вдали — силуэт броненосца. У пристани — покачивающаяся на волнах лодка с двумя «белыми» офицерами в качестве гребцов. Третий офицер, начальник, в волнении расхаживает по пристани, нетерпеливо поглядывая в сторону города.

Офицер-начальник. Ах, мать честная! Ну что тут станешь делать? Не идет и не идет! А генерал заявил, что пока князь Стародубский не погрузится на броненосец, он не тронется.

Офицер, сидящий в лодке. Что, они — друзья, что ли?

Офицер-начальник. Надо полагать. Ну да и шишка важная — главноуполномоченный, да еще князь, Рюрикович.

Справа подходит, прихрамывая, раненый солдат. Голова обмотана бинтами, сквозь которые проступает кровь. На груди — георгиевский крест.

Офицер-начальник (солдату). Тебе что?

Солдат (пытаясь вытянуться во фронт). Ваше благородие, явите божецкую милость, возьмите меня с собой! Ведь расстреляют, право слово, расстреляют меня большевики. Кавалер я...

Офицер-начальник. Вижу, что кавалер, да что ж я могу поделать, коли мне дан строгий приказ: не только рядовых, а даже офицеров, которые эвакуируются не со своей частью, не брать. Да и судно-то переполнено.

Офицер в лодке. Развалюшка, а не судно.

Офицер-начальник. То-то и есть. От «Трех святителей» один остов остался, без котлов, без машин, без орудий. Ведь нас потащит в Константинополь на буксире маленький портовый катер. А до-

едем ли, еще бабушка вилами писала. Чуть ветер посвежее, канат лопнул — вот тебе и эвакуировались!

Офицер в лодке. На дно морское.

2-й офицер в лодке. Крабам на съеденье.

Офицер-начальник. Именно. Ха-ха-ха!

Солдат. Уж дозвольте со всеми вместе, ваше благородие! Авось, доплывем, а ведь туточка, на берегу-то, верная смерть.

Офицер-начальник. Рад бы, да не могу. Приказ, приказ, браток! Против приказа не попишешь.

Солдат. Дык неужто ж погибать, так, почем зря? Ваше благородие, ведь я кровь проливал!

Офицер-начальник. Экой ты, брат, непонятливый! Я ж тебе говорю: приказ! Военный ты человек али нет? Понимаешь, что значит — приказ?

Солдат. Как не понимать...

Офицер-начальник. Ну вот, а ты все свое. Ты скажи-ка лучше, как это ты без своей части на пристань попал. У тебя что, пропуск, что ли, есть? Где он? Покажи! Есть пропуск?

Солдат. Никак нет.

Офицер-начальник. Ага, ты, значит, незаконно сюда пробрался! Что ж ты это, голубчик? Ты знаешь, что ты за одно это отвечать должен? Иди-ка, иди, брат! Скройся лучше где-нибудь от красных, пока не поздно.

Солдат. И то поздно. Красные — на горбу, а в городу-то ентом я ни черта, ни его матери не знаю.

Офицер-начальник. Эка, георгиевский кавалер, а не может изловчиться! Что ж ты, маленький, что ли?

Солдат (*качая головой*). Нет, я не маленькой. А только, видно, пока я нужен-то был, так ласкали, награждали...

Офицер в лодке. Ишь ты!

Офицер-начальник. Ну, ну, поговори тут! Проваливай-ка поскорей, подобру-поздорову, пока я...

Солдат. А как отслужил, так и...

Офицер-начальник. Молчать, говорят тебе! Стыдись. Что за большевицкие разговорчики!

2-й офицер в лодке (*громко, радостно*). Идет, идет! Князь идет!

Офицер-начальник (*оглядываясь*). Где, где?!

Слева вбегают, запыхавшись, с небольшим саквояжем в руках, князь Дмитрий Алексеевич Стародубский, представительный господин лет 45 в темном пальто и в котелке.

Князь (*офицеру-начальнику*). Простите, простите! Запоздал... разыскивал важные бумаги в Управлении... (*Указывая на саквояж.*) Вот они здесь. Теперь все готово, можем ехать.

Офицер-начальник. Ваше сиятельство, а где же ваш багаж? Нам приказано было принять и багаж.

Князь. Ах, дорогой мой, о каком же багаже может быть речь! Спасибо, что меня берете. Да ведь мы, надеюсь, и ненадолго уезжаем.

Офицер-начальник. Ну, как знать! (*Идет к лодке.*) Пожалуйста, ваше сиятельство.

Князь (*спускается в лодку, поддерживаемый с двух сторон гребцами-офицерами*). Спасибо, спасибо... Благодарю вас, господа!

Офицер-начальник готовится также спрыгнуть в лодку. Между тем раненый солдат кидается к краю пристани, опускается на колени и протягивает к офицеру-начальнику руки.

Солдат. Ваше благородие, господин поручик! Спасите от большевиков! Прикажите взять меня вместо багажу их сиятельства...

Офицер-начальник. Отстань! Надоел. (*Садится на корму лодки и командует.*) Вперед!

Князь (*движением руки останавливая гребцов, готовых было уже приналечь на весла*). Пойдите, пойдите! Что, что? Как «за место багажу»?

Солдат (*умоляюще, князю*). Заступитесь, ваше сиятельство! Крест имею... кровь проливал... А покидают, бросают, как собаку!

Князь. Как это может быть? Почему же? Ведь место в лодке есть.

Офицер-начальник. Невозможно, ваше сиятельство! Эвакуация производится частями и учреждениями, а одиночек брать не приказано. Да всех и забрать невозможно. Их сотни бродят по берегу. Все это я ему объяснял и советовал как можно скорее укрыться куда-нибудь. Но вы знаете наш народ... (*Солдату.*) Не прогневайся, стрелок! Прощай! (*Гребцам.*) Едем!

Солдат. Ваше...

Князь (*встает*). Виноват... позвольте мне сойти на берег. Я остаюсь. Не еду.

Офицеры поражены.

Офицер-начальник. Как?! Что! Но генерал...

Князь. Кланяйтесь генералу и поблагодарите его, но воспользоваться его приглашением я не могу.

Офицер-начальник. Да почему же?! Места всем... место для вас обеспечено.

Князь. Простите, скажу откровенно: если на броненосце нет места для раненого солдата, виновного только в том, что он в суматохе отступления потерял свою часть, то тем более там не может быть места для невоенного человека, как я.

Офицер-начальник. (*удерживая князя от его попытки покинуть лодку*). Ваше сиятельство, покорнейше прошу вас оставаться на месте! Лодка не уйдет без вас.

Князь. Она не может уйти и без раненого георгиевского кавалера.

Офицер-начальник. Взяв его, я нарушу приказ.

Князь. Оставив его на расстрел, вы оставите на расстрел и меня. Позвольте... (*Хочет отстранить офицера с дороги и вернуться на пристань.*)

Офицер-начальник. Князь Стародубский едет с нами.

Князь (*указывая на солдата*). А он?

Офицер-начальник. Тоже. (*Солдату.*) Садись... да благодари их сиятельство!

Солдат (*внезапно захныкав, лезет в лодку*). Ваше благородие... ваше сиятельство... уж как благодарен-то! Век не забуду. Век буду Бога молить!

Князь (*опускается снова на свое место и оттирает платком пот с лица*). Ну вот, теперь я и с багажом.

Офицер-начальник. Отчаливай!

Лодка двигается.

Занавес

Действие I

Парижская мансарда — квартира эмигранта князя Стародубского. Бедность во всех углах.

Князь, немного обрюзгий и постаревший, стоит, без пиджака, у небольшого стола, варит кофе на спиртовке и поет.

Князь. «Не имамы иныя по-омощи, не имамы иныя наде-жды, разве Тебе, Владычице...» Кажется, вода вскипела. Теперь заварим кофейку... *(Тяжело вздыхает.)* Я — совсем как Гришка Отрепьев из «Бориса Годунова». «Все тот же сон. Возможно ль? В третий раз!» Да, и в третий, и в четвертый. *(Отвернувшись от плиты и устремив взор в пространство.)* Я — на родине. Монастырь... *(Чертит ложкой в воздухе воображаемый план.)* Вот так — главный храм... и тут нет ничего особенного... А так, налево, идет тропинка в угол, где сходятся монастырские стены, к особо-славному и особо-древнему храму. Небольшая темная ниша входа, а в глубине ее — старый-престарый, строгий монах со свечой. «Ну, идемте!» — говорит он и ведет меня — показывать «тайны». Какие это «тайны», я не знаю, но что-то такое близкое, такое родное, такое русское и сокровенно-дорогое, что я весь трепещу от счастья: великие «тайны» вот-вот откроются... И вдруг просыпаюсь... *(Вскрикивает.)* Ай, батюшки, кофей ушел! Вот замечтался... *(Быстро снимает кружку с кофе с огня, потом тушит спиртовку.)* Увы! — кофей лишний раз напомнил, что я не дома, не во Владимирской губернии, а в своей мансарде на Rue Vaugirard, в постылом Париже... *(Наливает кофе в чашку и садится к столу.)* Да, хоть и красива столица Франции, но — чужая, совсем чужая. И Версаль, живая сказка, как ни прекрасен, а чужой. Я — сам по себе, они — сами по себе. Как декорация в театре. А там, в России, все было во мне, и я в нем. Господи, хоть бы еще раз перед смертью увидеть родной дом в Буйносове... владимирские соборы... Золотые ворота... луга за Клязьмой... Сподоби, Господи! *(Поет.)* «Ты нам помози, на Тебе наде-емя и Тобою хва-алимся, Твои бо есть ми раби, да не постыди-имся». *(Раздается стук в дверь.)*

Входит бывший профессор философии Иван Иванович Квашин, добродушный, близорукий старик лет 65, бедно и небрежно одетый.

Квашнин. Bonjour, Mon prince!

Князь. Bonjour, Mon vieux!

Квашнин. Это вы пели? У вас, оказывается, прекрасный голос! Хотя сейчас в дьячки.

Князь. Благодарю за комплимент. Всегда любил церковное пение. В молодости даже хором дирижировал в нашей деревенской церкви. Садитесь, дорогой! Вдвойне, втройне рад, что зашли. Во-первых, удостоился комплимента и лестного сравнения с дьячком. Во-вторых, кофей как раз вскипел, и вы, конечно, не откажетесь от чашечки...

Квашнин. Спасибо. (*Рассеянно.*) Я, кажется, сегодня еще не пил... А в-третьих?

Князь. А в-третьих, меня одолевает новый прилив тоски по родине. Сны какие-то странные, мысли такие печальные... И я рад, что зашел земляк. (*Подает Квашнину кофе.*) Кушайте, пожалуйста!

Квашнин. Читали вы в последней книжке «Литературных записок» статью Пеньковского?

Князь. Нет. О чем же?

Квашнин. О культурном дуализме. Он там высказывает ложный взгляд на значение секуляризации. Опирается на Блаженного Августина, на Ламенне, но по существу выступает апологетом совершенно реакционных, погребенных историей принципов.

Князь. Вот — сахар.

Квашнин. Merci! (*Кладет.*) Между прочим, «с легкостью в мыслях необыкновенной», заявляет, что «философия чистого опыта» Авенариуса и Маха не привнесла в работу европейской мысли ничего нового и лишь обнаружила всю бедность и бессилие позитивизма. Каково!

Князь (*прерывая*). Иван Иваныч!

Квашнин. Что?

Князь. Вы не скучаете по России?

Квашнин. Видите ли, у меня там осталась большая библиотека, и это при моих научных занятиях, конечно, составляет для меня весьма чувствительное неудобство.

Князь. Но скучать не скучаете?

Квашнин. Да нет, что же! Мысль — интернациональна... Паскаль, Кант и Юм одинаково живут для меня здесь, как и в России.

Князь. Счастливец! А я бы отдал их всех за то, чтобы вернуться на родину. Да в придачу к ним, пожалуй, и этого вашего Пеньковского.

Квашнин. О, какой щедрый!

Князь. По крайней мере, сегодня у меня такое настроение. Кажется, вот сейчас бы взял шапку, трость, все бросил и пошел пешком... туда, на восток...

Квашнин. Вот посмотрим, как европейская политика повернется... *(Отпивает глоток кофе.)* Позвольте! Да ведь я пил сегодня кофе! Ну да, конечно. Помню, выпил две чашки и сказал себе: «Ну, а теперь отнесу князю письмо!» Конечно, конечно! *(Отодвигает чашку.)* Я уже не буду больше пить.

Князь. Жаль. А что же это за письмо?

Квашнин *(хлопая себя по лбу)*. Ах, Боже! Ведь чуть было не забыл вам отдать! Письмо из Америки. В Русской библиотеке получилось на ваше имя. Я там чаще, чем вы, и взялся вам передать.

Князь. Из Америки? Ах, батюшки...

Квашнин *(ищет по всем карманам)*. Вот тебе раз! Где же письмо? Я отлично помню, что захватил его с собой... Ага, вот! *(Подает.)*

Князь *(принимая письмо)*. Да это целая тетрадка! И почему-то без конверта... Странно!

Квашнин *(не слушая, весело)*. Черт возьми, а я уж думал, что моя рассеянность опять сыграла со мной злую шутку! Но, слава Богу, на этот раз «погрязший в абстрактном профессор философии», как аттестует меня наш общий приятель генерал Арцышевский, оказался на высоте. Драгоценное послание — в руках вашего сиятельства!

Князь *(вертит и осматривает со всех сторон тетрадку)*. Извините, Иван Иванович, но это никакое не послание.

Квашнин. Как не послание?!

Князь. Очень просто. Это всего-навсего абонементная книжка какого-то господина Иваницкого, подписчика Русской библиотеки.

Квашнин *(с широко открытым от удивления ртом и большими глазами)*. Не может быть! Покажите! *(Смотрит.)* Да, абонемент. Стало быть, я захватил впопыхах эту книжку, а ваше письмо оставил на столе у библиотекарши?

Князь. Очевидно так.

Квашнин (*вскакивая и хватаясь за голову*). Ах, старый дуралей! Опять попался. Простите, князь! Простите, голубчик! Дайте скорей эту книжку, я пойду и сейчас же обменяю ее на письмо.

Князь. Да что вы, Иван Иваныч! Зачем так торопиться? В письме, наверное, ничего важного.

Квашнин (*почти вырывая у князя тетрадку*). Нет, нет! Этого я себе не прошу. Через двадцать минут я — здесь. Пища для нового анекдота. Кар-рамба!

Хватает шляпу, бежит и в дверях сталкивается с входящим в комнату генералом Арцышевским, не старым еще, хорошо одетым, плотным бритым человеком с коротко подстриженными, покрашенными черными усами и лысиной, с искусственной, слегка волочащейся правой ногой и с палкой в руках.

Князь. Вот и генерал! Легок на помине.

Генерал. Стойте, стойте! Кто это? Иван Иванович? Голубчик, вы чуть было не опрокинули меня... Все-таки осторожней! Ведь я не на трех ногах, а всего только на полутора.

Квашнин. Кирилл Петрович? Ради Бога, простите! Я спешил за письмом для князя в Русскую библиотеку.

Генерал. За каким письмом? Из Америки? Да вот оно, со мной. (*Вынимает из бокового кармана пиджака и показывает Квашнину.*)

Квашнин. Что за чудеса! Какими судьбами?

Генерал. А очень просто. Я как раз по вашим стопам зашел в библиотеку, и мне говорят, что вы только что были и вместо письма для князя захватили чужую абонементную книжку. Вот я и взялся передать князю письмо.

Квашнин (*расцветая улыбкой*). Ну, слава Богу! Стало быть, теперь все в порядке.

Генерал. Разумеется, в порядке. Беспорядок заключался бы в том, если бы вы, господин рассеянный профессор, не забыли письма и вручили его князю. Ха-ха-ха!

Квашнин. Ну ладно, ладно! Не злорадствуйте. Вон князь не сердится на меня. Все хорошо, что хорошо кончается.

Генерал. Здравствуйте, князь! Получайте письмецо. Здравствуйте, Иван Иванович!

Князь. Спасибо вам, дорогой Кирилл Петрович. *(Берет письмо и смотрит на адрес отправителя.)* Нью-Йорк, 240 Ист, 10-я Стрит... фамилия неразборчива... Чудно!

Генерал *(оглядывая комнату)*. Эх, опускается наш князь! И бумажки на полу, и на столе — пыль...

Князь *(перебывая)*. Надеюсь, Кирилл Петрович, что вы не откажетесь от чашечки кофейку?

Генерал. Пожалуй. В сознании, что заработал.

Князь. Вот, вот... *(Наливает и подает.)*

Генерал. Что же вы не прочитаете письмо?

Князь. Ах, успею еще! Ничего интересного не предвижу. Во второй раз получаю письмо из Америки. И знаете, каково было содержание первого?

Генерал. Ну-с? Ангажемент, в качестве лектора о России, в каком-нибудь бродячем цирке?

Князь. Увы, даже не это! Просьба об автографе от одной дамы, собирающей автографы князей, графов и баронов... *(Генерал и Квашнин хохочут.)* Пожалуйста, берите сахар и хлеб!

Генерал. Mercі. Ну, как живем-можем?

Князь. Неважно. Только что жаловался Иван Иванычу.

Генерал. Что так?

Князь. Париж надоел. Домой хочу.

Генерал. Ишь чем удивили! Кто из нас домой не хочет! Подождать надо.

Князь. Чего ждать-то? И главное, сколько еще ждать? Вот, ждем уже восемь лет, а что толку? Знаете, Кирилл Петрович, меня иной раз — вот как сегодня — просто физически мутит от одной мысли, что я восемь лет — восемь лет! — провел вне России: до того это кажется неестественным, до того потеря огромна!

Генерал. Понимаю. Но не советую поддаваться малодушию. Вспомните, что было бы с вами, со мной, со всеми нами, если бы мы там остались. По-моему, удивляться надо не тому, что мы вот уже восемь лет питаемся «горьким хлебом изгнания», а тому, что мы вообще уцелели.

Квашнин. Совершенно верно.

Генерал. И мне, и вам надо Бога благодарить, что восемь лет тому назад мы не сгнили где-нибудь в безвестной яме, расстрелянные «по заслугам».

Князь. Это я себе тоже часто говорю.

Генерал. Ну видите! Конечно, не всем в эмиграции удалось прилично устроиться. Лично мне повезло. Служба в банке вполне обеспечивает меня. Вот, отпуском пользуюсь... Вам, я знаю, труднее. Но тут уж, извините меня, вы сами виноваты, отвергнув постоянную материальную помощь со стороны ваших старых польских и французских друзей, которая вам в свое время предлагалась. В нашем положении излишняя гордость, право, не у места.

Князь (*тихо*). Дело не в гордости, а в том, что я не хотел наводиться в особо привилегированном положении по сравнению с остальными соотечественниками.

Генерал. Боже мой, да ведь социального рая еще нигде на земле нет, ни даже в Совдепии!

Князь. Не будем говорить об этом. Дело совсем не в том, кто как устроился. Я уверен, что и вы, если бы вам неожиданно представилась возможность вернуться в Россию, бросили бы тотчас свою службу и полетели бы домой.

Генерал. Не говорите. Все зависело бы от того, на что я мог бы там рассчитывать. Когда вот-вот стукнет пятьдесят, ехать так, на ветер, хотя бы и на родину, не очень-то улыбается.

Князь. Стало быть, вы уже не надеетесь увидеть Россию?

Генерал. Почему же не надеюсь? Вот установится в России порядок — и двинемся все вместе. (*Указывая на Квашнина.*) Ивана Ивановича обязательно возьмем с собой, одного не пустим, а то он, уже купивши билет до Москвы, непременно ухитрится сесть в поезд, отходящий в Мадрид. Ха-ха-ха!

Квашнин. Ну, мы еще посмотрим, кто скорей до Москвы доедет! Вот вы лучше как политический деятель скажите, когда наступит в России тот порядок, о котором вы говорите.

Генерал. Когда? Очень скоро. По существу, если хотите, он уже наступил.

Князь и Квашнин (*вместе*). Как?! Как так?!

Генерал. Конечно. Послевоенная разруха кончилась. Револю-

ционная стихия снова скована самими же большевиками. Армия восстановлена. Народ возвращается к труду, во всех областях жизни налаживается мирное, продуктивное творчество. Россия выздоравливает от тяжелой болезни.

Квашнин (*с восхищением*). Вы прямо высказываете мои мысли! Я давно так думаю, но только не смею этого сказать вслух, потому что мне как философу, «стоящему над жизнью», никто не поверит.

Генерал (*смеясь*). Да ведь и мне, пожалуй, не очень поверили бы! Люди верят только тому, чему им хочется верить.

Князь. Кирилл Петрович, вы ли это говорите?! Но ведь всего неделю тому назад в собрании на Rue Las-Cases вы утверждали обратное, утверждали, что разложение продолжается и что страна идет к гибели.

Генерал. Э-э, батенька, мало ли что! Это я говорил публично, так сказать — официально, с партийной точки зрения. А личная моя точка зрения может и расходиться с партийной.

Князь. Но ведь это значит — сознательно вводить публику в заблуждение!

Генерал. Ничего подобного. Просто как политический деятель я учитываю, что перед нами стоит определенная политическая задача, а если мы начнем разбалтывать все, что думаем, так, пожалуй, не скоро задачу эту разрешим.

Князь. Таких методов борьбы я не понимаю.

Генерал. И не поймете. Вы — известный идеалист. Впрочем, точных данных, чтобы судить о положении в России, у нас не так уж много. По-настоящему следовало бы кому-нибудь из вожаков эмиграции самолично отправиться в Совдепию — нелегально, конечно, — и проверить все слухи, положительные и отрицательные. Если б не моя протеза, может, я бы и сам рискнул.

Князь (*заметно волнуясь*). А не рискнуть ли мне?

Генерал. Вам?! Господь с вами!

Князь. А почему бы и нет?

Генерал. Прекрасная была бы пожива для большевиков! Чего же лучше — бывший предводитель дворянства, князь Рюрикович. Ха-ха-ха!

Князь. Но откуда они узнают, что я князь?

Генерал. А наружность? Осанка? Или ваш аристократизм не сквозит в каждом вашем движении?

Князь. Наружность можно изменить.

Квашнин. Князь был польщен, когда я ему сказал сегодня, что он поет как дьячок. Но наружностью он, конечно, мало похож на дьячка.

Генерал. В том-то и дело. (*Князю.*) Да и лицедеем вы как будто никогда не были. Князь и князь! Только и всего.

Князь (*внезапно сгорбясь и приняв смиренный вид, с семинарскими интонациями*). И что это вы, право, Бога гневите, ваше превосходительство? Какой же я князь? Я, по милости Божией, заштатный дьячок от Спаса-Преображенья, Елевферий Антипыч Крестовоздвиженский. Слава те Господи, сколько лет в этой должности состою! И родитель мой покойный был дьячком, и дедушка... Сызмалетства я при церкви воспитывался, службу-то Божию как свои пять пальцев уж в пятнадцать лет знал. А то натекось, князь, да еще Рюрикович! Никогда себя за князя не выдавал. Никогда и быть-то князем не хотел, даже и во сне... А вы... грешно вам, почтеннейший Кирилл Петрович, грешно старика обижать!

Генерал (*сначала было оцепеневший от неожиданности, встает и разражается хохотом*). Ну, здорово, Дмитрий Алексеевич! Ей Богу, здорово! Настоящий дьячок!

Квашнин. И по голосу, и по манерам!

Генерал. Я чуть было под благословенье к вам не подошел, ей Богу! Впрочем... Что я? — к дьячкам ведь не подходят под благословенье. Ну, артист!

Квашнин. Настоящий артист!

Генерал. Вот удивили!

Князь (*принимая прежний вид*). Шутки в сторону, друзья мои! Скажу вам прямо: достань я сейчас деньги, я немедля отправился бы в Советскую Россию — хотя бы в том же обличье дьячка. И вовсе даже не с политическими целями, а просто — подышать русским воздухом, поглядеть, как живет и что делает народ. И от вас, генерал, никаких поручений не принял бы. Словом, уж коли и пошел бы на родину, то без камня за пазухой.

Генерал. А потом что же? Вернулись бы в Париж?

Князь. Не знаю. Может, вернулся бы, а может, и нет. Этот вопрос решил бы там, на месте, если, конечно, его не решит за меня Гепеу.

Генерал. Вот то-то и есть!

Князь. Все же лучше рискнуть, чем гнить здесь. Откровенно говоря, эмигрантский Париж и собрания на Rue Las-Cases надоели мне до чертиков. Сознайтесь, генерал, что политическая эмиграция только занимается толчением воды в ступе.

Генерал. Это как сказать!

Князь. Разговоры, разговоры, а дела — никакого. Все мы измелъчали, опустились, взаимным дрызгам и подсиживанию нет конца. Полный отрыв от Родины. А там я, быть может, нашел бы какое-нибудь живое дело, полезное для народа.

Генерал. Безумие!

Квашнин (*вскакивая и махая руками*). Нет, это не безумие! Что угодно, только не безумие. Знаете, Дмитрий Алексеевич, я вас понимаю. Мне кажется, по крайней мере, что понимаю. Вы говорите об отрыве от Родины. Да, это — зов Родины! Парижский воздух душен для князя Стародубского. Это у вас в крови. Вся история вашего рода сплетена с историей России. Жить вне родной среды, без родного народа вам, быть может, вдвойне тяжелее, чем многим из нас. Не правда ли? А стало быть, то, что вы задумали, вполне рационально. (*Вдохновляясь собственной речью.*) И даже если бы вас там убили, то и в этом был бы какой-то свой смысл...

Генерал (*укоризненно*). Иван Иванович!

Квашнин. Да, да! И в этом сказалось бы что-то провиденциальное. Князь Стародубский, прямой потомок первых русских князей, строителей государства российского, кончит свои дни не в этой жалкой парижской мансарде, а на родной земле, где погибали не раз в честном бою и его предки. Это — последовательно, это — красиво! Не правда ли?

Генерал (*хватаясь за голову*). Боже, какая непроходимая романтика! И главное — из уст философа-позитивиста. Кто бы ожидал! Ваша способность увлекаться, Иван Иванович, конечно, делает честь вашему юному духу, но зачем же все-таки преждевременно хоронить князя? Он, слава Богу, пока еще никуда не уехал и находится с нами, здесь, в этом прокуренном и пробензинном, но милом Париже, а затем...

Князь (*перевивая*). Повторяю: я уеду, как только в моем распоряжении окажутся необходимые средства.

Генерал. Отлично. Воля ваша. Быть может, в этом американском письме вам предлагают миллионы. Если же нет, то... положение остается, по-видимому, невыясненным.

Князь. К сожалению.

Генерал. А может быть, и к счастью. Так или иначе, я предлагаю спор наш прекратить и, так как... (*Вынимает часы и смотрит.*) уже одиннадцать часов, сначала пойти прогуляться вместе, а затем завернуть в бистро и выпить. Если не по бокалу шампанского, то хотя бы по аперитиву, в ознаменование состоявшегося обмена мыслями по важному политическому вопросу.

Квашнин. И в ознаменование неожиданного обнаружения замечательного актерского дарования у князя!

Князь. Ну что ж, пожалуй, идем... (*Генералу.*) Американское письмо? Заглянем и в американское письмо! (*Протягивает руку к письму, лежащему на столе, и распечатывает его.*) Вы позволите, господа? Я только взгляну, в чем дело, а затем идем.

Генерал и Квашнин. Пожалуйста! (*Подходят друг к другу и разговаривают вполголоса.*)

Князь (*по прочтении письма взволнованно*). Ну вот! Это уж прямо — судьба. Как будто я ее накликал. Прямо как в романе! Знаете ли, господа, о чем письмо?

Генерал и Квашнин. Да? О чем же?

Князь. Только убедительно прошу: о том, что услышите, никому, решительно никому — ни слова! Именно — имея в виду наш предшествующий разговор.

Генерал и Квашнин. О да! Само собой разумеется!

Князь (*руки которого, держащие письмо, заметно дрожат*). Представьте себе, что в Америке отыскался мой давнишний должник барон Шиллинг. Я одолжил ему в пятнадцатом году на фронте пятьсот рублей, настоящих, полновесных. А потом мы расстались, и он все никак не мог вернуть мне этот долг. И что же? Теперь он член дирекции банка в Нью-Йорке и заявляет о своей готовности немедленно, как только я ему сообщу свой точный адрес, вернуть мне занятую сумму, в американских долларах по старому русскому курсу рубля.

Генерал. Ого! Пятьсот золотых рублей в долларах — это нынче порядочная сумма в несколько тысяч франков.

Квашнин. Действительно, как в романе! Поздравляю, от души поздравляю, дорогой князь! *(Кидается к князю и жмет ему руку.)*

Генерал. Поздравляю и я. *(Тоже жмет руку князю.)* Событие феноменальное.

Князь. Это так невероятно! Поверьте, я и думать забыл о бароне Шиллинге.

Генерал. Зато он о себе напомнил. Редкий случай порядочности в наше время, когда все нравственные понятия рушатся.

Князь *(как бы про себя).* Если я действительно получу эти деньги, я осуществлю свой план.

Квашнин. О поездке в Россию?

Князь. Да.

Генерал. Но ведь это — идея фикс! Теперь, с деньгами, и вдруг — пускаться в неизвестность, в какое-то рискованное предприятие!

Князь. Говорю только вам двоим, под величайшим секретом: получивши деньги, я немедленно выеду в Эстонию, к Петру Ергушеву.

Генерал. Это... тот солдат, с которым вы эвакуировались из Крыма?

Князь. Да, бывший потом моим слугой в Париже и два года тому назад перебравшийся в свою родную деревню в Печерском крае. Он много раз звал меня к себе. Это — у самой советской границы... *(Дрогнувшим голосом.)* В хорошую погоду из его деревни видны, через озеро, золотые купола древнего Псковского собора... Там я подготавлиюсь к переходу границы. Если будет нужно, отращу себе волосы, бороду, достану документы, костюм. И потом, с помощью Ергушева, границу перейду. Все дальнейшее — в руке Божией.

Генерал. Это непоколебимо?

Князь. Непоколебимо.

Генерал. В таком случае, князь, твердо рассчитывайте на меня и на мою всестороннюю помощь — хотя бы в деле добывания документов и связей. Вы знаете, что тут я кое-что могу.

Квашнин. Я сам не знаю, что я могу, но прошу вас, Дмитрий Алексеич, располагайте и мною как самим собой.

Князь. Благодарю вас, друзья мои. Помощь ваша мне очень понадобится. А коли суждено мне будет голову сложить в России, то вы не откажетесь выполнить и кое-какие посмертные мои распоряжения, в частности, относительно бумаг, которые останутся в Париже. Идет?

Генерал и Квашнин. Идет! (Оба обнимают князя.)

Занавес

Действие II

Советский пограничный пост. Комната начальника. На стенах — портреты Ленина и других вождей революции, большая красная звезда и длинные бумажные ленты с коммунистическими лозунгами. Обстановка — простая, канцелярская.

Начальник поста, брюнет лет 30, с простым, грубоватым, энергичным лицом, подстриженный бобриком, сидит, держа перед глазами какую-то бумагу, за письменным столом, налево от зрителя. Перед ним — красноармеец-пограничник с винтовкой в руках.

Начальник. Так говоришь, товарищ Ерников, кроме этого старика, еще кто-то переходил границу да бежал?

Красноармеец (помогая словам жестикуляцией). Так точно, товарищ начальник! Как, стало быть, я выстрелил, ентот поп — ать, сичас прямо в ручей и повалился. Может, запнулся... Ну, повалился, повалился — и лежит, не двигается! А по кустам, слышу, треск, топот пошел. Убег, значит, кто-то. Я тогда вослед еще раз выпалил. Попал — нет, не знаю. Но только это на другой, стало быть, на эстонской стороне. Так что, проверить не смог. Ну, а этого черта длиннополого поднял да сюда привел. Он, должно, просто со страху в ручей-то плюхнулся.

Начальник. Как же он себя называл? Дьячком?

Красноармеец. Дьячком, дьячком, товарищ начальник.

Начальник. Просил, небось, отпустить его?

Красноармеец. А как же! Беспременно просил. Они все про-

сят. Пусти, говорит, Христа ради, я, говорит, за тебя молебен отслужу. *(Прыскает в рукав.)*

Начальник. Ха-ха-ха! Молебен? Это здорово! Нашел, чем подкупить красноармейца. Что ж ты ему на это?

Красноармеец. Ну, я, конечно, ему говорю: на кой, дескать, ляд мне твой молебен? Другие, мол, золотые кольца предлагают либо бутылку водки, да я и то не беру, а ты — молебен! Эка невидаль!

Начальник. Ну, а он что?

Красноармеец. А он, конечно, говорит: прости, что ничего, служивый, у меня больше нету. И всамделе нету.

Начальник. А ты его обыскал?

Красноармеец. Обыскал.

Начальник. И ничего не было?

Красноармеец. Окромья этого паспорта *(Указывает на бумагу, находящуюся в руках начальника.)*, ничего не было.

Начальник. И оружия никакого не было?

Красноармеец. Так точно, никакого.

Начальник *(помолчав)*. Ну ладно. Давай его сюда!

Красноармеец. Слушаю, товарищ начальник! *(Уходит.)*

Начальник *(один)*. Не понимаю. Паспорт — наш, советский, проживал в Острове, в милиции прописан, за каким-то чертом оказался на той стороне и ночью нелегально пер к нам. Ну да увидим, что за птица!

Красноармеец вводит князя Стародубского, переодетого дьячком и прихрамывающего. Длинные волосы на голове, борода, мягкая старая крестьянская шляпа, скромная, полинялая и помятая ряса, стоптанные сапоги, котомка за плечами.

Князь *(сгибаясь в пояском поклоне)*. Желая здравствовать, товарищ начальник!

Начальник. Здравствуй, дядя! Ты кто же такой будешь?

Князь. Дьячок, соборный дьячок я, товарищ начальник. Из города Острова, Псковской губернии, что на Великой на реке.

Начальник. Зовешься-то как?

Князь. А зовусь я, стало быть, Елевферий Антипов сын, Крестовоздвиженский.

Начальник. А лет тебе сколько?

Князь. А лет мне пятьдесят пять. Ты в паспорте-то погляди! В паспорте-то, товарищ начальник, все прописано.

Начальник. Ничего, повторишь. Язык-то не отвалится. Кабы не надо было, так не спрашивал бы.

Князь. Спроси, спроси, кормилец! Все тебе расскажу.

Начальник (*усмехаясь*). Будто все расскажешь?

Князь. А то как же? Коли власть спрашивает, все должен отвечать.

Начальник. Ты, стало быть, признаешь советскую власть?

Князь. Признаю, дорогой товарищ, признаю! А как же ее не признавать-то? Эвон сколько годов под ней живу, слава те, Господи! И апостол Павел велит: «Всяка душа влаstem предержавшим да повинуется...»

Начальник. Язык-то у тебя, я вижу, без костей. Врать горазд. А ну, скажи-ка... как тебя... (*Смотрит в паспорт.*) Елевферий... гражданин Крестовоздвиженский, какими это ветрами тебя, советского гражданина, за границу перенесло? И как ты попал туда без визы? И почему назад шел ночью, нелегально? А? Али ты в Острове-то во сне только бывал? Может, дьячком-то служил не в Острове, а, скажем, в Печерской святой обители, на эстонской на сторонушке?

Князь (*возмущенно*). Эва, куда метнул! Не в Острове... Обижаешь ты меня, дорогой товарищ! Право, обижаешь! Тридцать лет я в Острове-то дьячком прослужил, тридцать лет! И отец мой, покойник, там же дьячком был, и дед... Наследственные мы... А что касасямо Владычицы Печерския, то, действительно, сподобился и там побывать...

Начальник. Ну вот, видишь...

Князь. Да ведь когда? В тринадцатом году, перед самой немецкой войной. А с тех пор туды и не заглядывал.

Начальник (*грозя пальцем*). Ты мне не финти! В тринадцатом году... Отвечай ясно: как ты сегодняшней ночью на эстонской стороне оказался?

Князь. Помилуй, да я там и не был вовсе!

Начальник (*угрожающе*). Не был?

Князь (*спокойно*). Не был. Может, и собирался быть, да не был.

Начальник. Ага, собирался! (*Красноармейцу.*) Товарищ

Ерников, на какой ты стороне поймал этого границенарушителя, на нашей али на эстонской?

Красноармеец. На самой, то есть, на границе, товарищ начальник! Между нашей и эстонской стороной... в овражке...

Начальник (*мнимому дьячку*). Как же ты смел решиться ночью, незаконно, переходить на чужую сторону?! Ты знаешь, что я могу тебя за это в два счета в могилевскую губернию к праотцам твоим отправить! За каким чертом ты туда лез? Кто тебя посылал? Да смотри, говори правду, не виляй хвостом!

Князь. А ты нечистого-то не припутывай. Ну, ошибся, был грех. Сказал, что все тебе расскажу, покаюсь. А зачем же нечистого поминать?

Начальник. Это ты брось — о нечистом. Говори, зачем пер в Эстонию?

Князь. А видишь, господин начальник, тут было особое дело, важное...

Начальник. Ага, раскрыл рот... Ну?

Князь. У меня, видишь ли, на той стороне... прямо тут, за вами, рукой подать...

Начальник. В Песках, что ли?

Князь. В Песках, в Песках...

Начальник. Ну?

Князь. Есть, стало быть, племянничек, моей сестры сын, паренек по двадцатому годику...

Начальник. Тоже поповское отродье?

Князь. Нет, нет... Хрестьянин... Сестра-то в девицах засиделась да за простого рыбака и вышла.

Начальник. Ну?

Князь. Ну так вот, племянничек-то этот самый — Ваняша, стало быть, Никонов — завтра свадьбу играть будет...

Начальник. Эвона что!

Князь. Да, И, значит, на свадьбу-то меня и позвал. Сродственников-то у него других нету, а мать пять лет как овдовела, а два года тому назад, на самую на Казанскую, и сама померла. Вот я и...

Начальник. Полетел, старый хрен, на свадьбу?

Князь. Именно, что полетел. Отпросился на пять ден у благочинного. Думаю, разом обернусь и опять дома. А тут, значит, этот

товарищ-то (*Указывает на красноармейца.*) меня и задержал, да еще чуть живота не лишил... прости его, Господи!

Начальник. Врешь ты все. Ежели бы точно хотел сродственника за границей навестить, обратился бы в исполком, тебе бы визу дали, и ехал бы ты за границу барином по железной дороге.

Князь. Письмецо-то, письмецо-то от племяша поздно пришло! Хлопотать-то в исполком уже поздно было: там, рассказывают, по три-по четыре недели дозволения-то на поездку за границу ждут... Ну а потом, товарищ начальник, посуди (*Интимно улыбается.*), дешевле ведь оно, пешечком-то... по образу Христову... на своих-то на двух. Сам знаешь, какие могут быть доходы дьячковские! Протопоп-то весь воскресный сбор себе в карман кладет, а мне — хорошо как три-четыре пятака на тарелке оставит.

Начальник. Выходит, эксплуатирует тебя?

Князь. Исплатирует, истинно исплатирует... накажи его Бог!

Начальник. Ты, стало быть, вроде как церковным пролетарием оказываешься?

Князь. Так, так... пролетарий и есть.

Начальник. Ха-ха-ха! (*Обращается к красноармейцу.*) Товарищ Ерников, гляди, я думал, классовый враг нам попался, а ты, оказывается, своего товарища-пролетария привел. А? Хват-старик, за словом в карман не лезет!

Красноармеец. Известно, образование получил.

Князь (*машет рукой*). Какое уж тут образование! На медные гроши учился... Кабы у меня образование-то было, так я бы уж давно архиереем был!

Начальник. Ишь ты! Ну, старый, благодари своего Бога, что ты не архиерей. Кабы ты архиереем был, так своих ног от нас бы не унес. Тут ли, в Пскове ли, а уж разменяли бы тебя без ошибки. Так я говорю, товарищ Ерников?

Красноармеец. Так точно, товарищ начальник!

Начальник (*неожиданно арестованному*). Стой! А кто же тебе дорогу через границу указывал?

Князь. Да племяш-то мой и указывал. Иди, говорит, — это в цидулечке-то он мне написал — из деревни Сосновки прямо на болотце, что за березовой рощей, а там, говорит, я тебе на встречу выйду. Ну, я так, по его словам, и поступил. А как к бо-

лотцу-то да к овражку-то подошел, вижу — и Ваняша с другой стороны показался, ну, а только тут нас этот самый товарищ (*Опять указывает на красноармейца.*) распугал... да ведь как! Ка-ак ба-ба-бахнет — ну, думаю, смерть пришла! Лежу ни жив, ни мертв...

Начальник (*перебивая*). А Ваняш-то куда ж девался?

Князь. А, видно, домой убег. Только я его и видел!

Начальник (*красноармейцу*). Как думаешь, товарищ Ерников, врет старик али правду говорит?

Красноармеец. А кто его знает, товарищ начальник! Может, и врет. А только сдается мне, что, может, и правильно поясняет. Тот, другой-то, видно, и взаправду на нашей стороне еще не успел побывать: не видал я его, а только топоток в кустах на той стороне слышал.

Князь (*кивая головой*). Так, так...

Молчание.

Начальник (*пристально глядя на мнимого дьячка*). Что ж мне с тобой делать, гражданин дьячок? В Псков что ли под конвоем отправить али... (*Смеется.*) дать коленом под зад да отпустить ко всем чертям, на все четыре стороны?

Князь. Отпусти, голубчик! Милый, отпусти! Будь милостив, не томи меня, старика. Сам знаешь, как нашему брату, простому человеку, тяжело перед начальством оправдываться. Хорошо еще, коли на доброго человека попадешь, а как на злого?

Начальник. То-то, кабы мы с вами миндальничали да лимонничали, революцию-то бы и проморгали! (*Встает и начинает ходить по комнате из угла в угол.*) А ты знаешь, что значит «революция»? Это значит — освобождение миллионов трудящихся от власти эксплуататоров и капиталистов.

Князь. Знаю, батюшка! Как не знать!

Начальник (*останавливаясь перед князем*). Ты только подумай, от чего мы уходим и куда идем! А?

Князь. Понимаю, понимаю!

Начальник (*снова принимаясь ходить*). То-то! А про нас еще говорят, что мы слишком жестоки, много крови проливаем.

Да как же нам ее не проливать-то, когда мы к этакой цели идем, а нас со всех сторон окружают враги?! Когда буржуазия только и ждет момента, чтобы нас смертельно ужалить?! Но нет, у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано ее жало, а если нужно, то и разодрана жадная пасть, вспорота жирная утроба!

Красноармеец. Правильно.

Князь. О Господи!

Начальник. Да, да, гражданин дьячок, вы можете вздыхать, сколько вам угодно, а только час буржуазии пришел. Пролетариат восстал, и красная месть совершится до конца. Рабочий класс пощады не знает... (*Вдруг останавливается вплотную около князя.*) А ну-ка, старик, погляди мне в глаза! (*Князь глядит.*) Хоть и воняет от тебя ладаном за три версты, а только сдастся мне, что и еще какой-то тут подозрительный запашок пришеивается... (*Раздельно.*) Что бы это мог быть за запашок? А?

Князь (*наивно*). А уж не лучком ли припахивает? На дорожку-то я лучку с хлебцем взял, и вчера лучком-то и поужинал.

Начальник (*снова начинает ходить*). Ха-ха-ха! Лучком? Ну, может, и лучком... Забавный ты, я вижу, старикан! (*Опять останавливается против князя.*) А ты, ненароком, не беглый купец? Не помещик? Не князь? (*Хватает князя за бороду и дергает.*) Борода-то не фальшивая?

Князь (*крестится*). Господи Иисусе! И напугали же вы меня, товарищ начальник!

Начальник. Ха-ха-ха! Напугал?

Князь. И то. Борода-то? Откуда ж ей фальшивой-то быть? Ведь вы знаете, в духовном звании без бороды нельзя.

Начальник. Ладно. (*Передразнивая.*) Духовном, духовном... (*Неожиданно, красноармейцу.*) Ерников!

Красноармеец. Что, товарищ начальник?

Начальник. Ты ведь деревенский?

Красноармеец. Так точно, алгасовские мы, Моршанского уезда.

Начальник. А церковь у вас на деревне есть?

Красноармеец. А то как же, во имя святого Пантелеймона целителя.

Начальник. А ты в эту церковь ходил?

Красноармеец. Ходил, пока глуп был, покамест с матерализ-

мом-деклетизмом не обозначился. Да и не токмо что ходил, а бы-валыча, еще и на клиросе певал.

Начальник. Ой ли?! Это-то мне и нужно. Ты, значит, помнишь церковное служение? Ну, песни там, молитвы... что поп говорит, что хор поет?

Красноармеец. Что позабыл, а что и помню.

Начальник. А я так все позабыл, потому — с двухлетнего возраста среди чухны жил, а раньше-то, может, только бабка на руках в церковь носила. Сам-то я не ходил, был атеист природный. Ха-ха-ха! Так видишь, что я придумал. Давай, устроим старику экзамен по церковной части. Выдержит он его — и пусть идет к своим богам на все четыре стороны, не выдержит — сегодня же в псковское Гепеу. Идет?

Красноармеец (*ухмыляясь*). Идет, товарищ начальник. А я, значит, вроде как за главного попа, за анхирея буду?

Начальник. Вот, вот. Начинай же, спроси его что-нибудь, что дьячок должен знать.

Красноармеец (*после некоторого раздумья, важно*). Ну-ка, отец, «Господи воззвах» спеть можешь?

Князь. Как не могу? Могу. На какой же глас?

Красноармеец. А ты и гласы разбираешь?

Князь. Да как же мне, миленочек, не разбирать-то, когда я всю жизнь на том стоял?

Красноармеец. Ну, валяй на пятый!

Фигура князя выпрямляется. Устремив взор к небу, бледный, взволнованный, он умильно поет, действительно молясь. Начальник мрачно глядит на него. Красноармеец слушает с видимым удовольствием и время от времени кивает головой. Окончив, князь стоит неподвижно, опустив веки.

Начальник (*красноармейцу*). Ну что, правильно?

Красноармеец. Правильно, товарищ начальник! На ять.

Начальник (*князю*). Слышишь? Товарищ Ерников твое пение одобрил. Должен буду и я сдержать свое слово. (*Красноармейцу.*) Выведи старика на большак, пускай себе ползет в свой Остров. Потом вернешься и примешь дежурство от Куликова.

Красноармеец. Слушаю, товарищ начальник!

Начальник (князю). Иди! (Грозит пальцем.) Да смотри, глупой своей выходки не повторяй! На пушечный выстрел не приближайся к границе! Случайно уцелел. В другой раз пропадешь. Прощай!

Князь. Спаси вас Бог!

Кланяется и уходит в сопровождении красноармейца.

Начальник (идя к столу). Черт бы его побрал, долгогривого! Только время отнял...

Занавес

Действие III

На взгорке по дороге в бывшее имение князей Стародубских во Владимирской губернии. Широкий и низкий каменный парапет, за которым открывается вид на усадьбу: над пышным, трехэтажным ампирным белым дворцом с колоннами развевается красный флаг. Направо от парапета — столб и дощечка с надписью «Буйносово».

Князь Стародубский, одетый по-прежнему дьячком, с котомкой за плечами и с посохом, подходит к парапету слева и останавливается, пожирая глазами родной дом. Потом опускается на колени, закрывает лицо руками и, прислонив голову к парапету, плачет радостными слезами. Слышны голоса. Князь встает с колен и поспешно вытирает глаза. Проходят справа налево две бабы.

1-я баба. А ты ему, дьяволу, скажи, что он тебе еще за прошлую неделю двух трудодней не присчитал!

2-я баба. Да, как же, скажешь тут! А потом зачнет придирааться на каждом шагу: то не так, да это не то... Черт косолапый!

Князь (низко кланяется). Здравствуйте, бабоньки!

Бабы. Бывайте здоровы! (Проходят.)

Князь (присаживаясь на парапет и не сводя жадного взора с дома). Все, все — так, как было! Только этот флаг прибавился. Можно закрыть глаза и вообразить себя семнадцатилетним... Те же деревья, тот же воздух... Но аромата роз не доносит. Должно быть, цветники

запущены. Так же весело шумит вода в овраге... (*Закрывает глаза рукой.*) Помню, вечером... в последний раз виделся и простился я здесь с Наташей. Где, что она?! Или умерла, как моя бедная мама? (*С минуту молчит, потом — в восторге — оглядывается вокруг.*) Буйносово, родное Буйносово! Даже этот полосатый столб с надписью уцелел до сих пор. Какое счастье, какое счастье! Восемь... нет, девять лет ждал я этого мгновенья. Только и жил, только и дышал для него. И вот — дождался! Жалко, в дом не могу войти. Ну да ничего! Все же я — дома, дома, дома. Забыться... уснуть...

Сняв котомку, ложится на спину и закрывает глаза. Тишина. Лепет ручья. Слева входят два босоногих мальчика в рубашках.

1-й мальчик (*испуганно*). Гляди-ка, покойник!

2-й мальчик. Очнись! Не видишь, дышит! Покойники не дышат.

1-й мальчик. Спит, должно...

2-й мальчик. Ну да, спит.

1-й мальчик. Кто же это такой?

2-й мальчик. Кажись, поп. Одежда — долгая. И волоса.

1-й мальчик. И впрямь поп.

2-й мальчик. Откуда только его принесло? Каширинский, что ли?

1-й мальчик. Агрома-адный... Я боюсь...

2-й мальчик. Дурак, чего бояться-то?

1-й мальчик. А как погонится?

2-й мальчик. Погонится, так убежим.

Князь Стародубский открывает глаза и, приподняв голову, облокачивается на руку.

Князь. Не бойтесь, дети, не бойтесь! Здравствуйте!

2-й мальчик. Наше вам.

Князь. Вы что же, буйносовские?

2-й мальчик. Да, буйносовские.

Князь. А звать-то вас как?

2-й мальчик. Меня звать Василием Ермаковым, а он — Мишка Полин.

Князь. Ермаков... Полин... Что-то не помню таких фамилий на деревне.

2-й мальчик. Да мы не деревенские, мы — сироты, из деткоммуны.

Князь. Из какой же такой деткоммуны?

2-й мальчик. А из той, что вон в этом доме! (*Указывает на бывший княжеский дом.*) Из деткоммуны Владимирского Совета имени товарища Фрунзе.

Князь (*подымается и садится*). Так, так... И много вас там, в коммуне?

2-й мальчик. Сто тринадцать человек.

1-й мальчик (*поправляя*). Сто пятнадцать.

2-й мальчик (*толкая его локтем*). Не ври. Яшка и Манька уже не вернутся из города.

Князь. О! Много. И что же, вас там кормят, одевают?

2-й мальчик. Ну да.

Князь. Кормят-то неплохо?

2-й мальчик. Нет, зачем плохо? Кормят хорошо, вволю.

1-й мальчик. Досыта.

Князь. И учителя у вас есть?

2-й мальчик. А то как же!

Князь. Так, так... Стало быть, читать-писать, арифметике, рисованию учитесь, гимнастику делаете, небось, и картины из волшебного фонаря вам показывают?

Оба мальчика (*радостно*). Показывают, показывают!

Князь. А до обеда, летом, на огороде работаете?

2-й мальчик. Ну да!

Князь. Так, так... Вот и хорошо! Ну, я рад. Рад.

2-й мальчик. И как это вы все знаете? Вы там были?

Князь. Может, и был когда, да давно уж.

1-й мальчик. При князе?

Князь. При каком князе?

1-й мальчик. А при Стародубском.

2-й мальчик. Тут, сказывают, допреж Стародубской князь проживал, брюхо отращивал.

Князь. Вон оно что! Нет, милые, про князя этого ничего сказать вам не могу.

2-й мальчик. А вы сами-то откуда будете? Из Каширина, что ли?

1-й мальчик. Там церква есть.

Князь. Нет, ребятки, я издалека.

2-й мальчик. Вы в попах состоите?

Князь. В попах, не в попах, да и не в дьяконах, а всего-навсего только в дьячках. Понимаешь? Пою в церкви на клиросе (*Поет.*): «Го-осподи, поми-илуй...»

1-й мальчик. А, знаю, знаю! Я слышал.

2-й мальчик. Я тоже слышал. А только мы в Бога не верим.

Князь. Вот на! Как же так?

2-й мальчик. Да так. Религия — это опиум.

Князь. Это учителя-то вам так объяснили?

2-й мальчик. Да, учителя.

Князь. А что же это такое, голубчик Вася, этот самый опиум?

2-й мальчик. (*растерянно*). А шут его знает!

Князь (*1-му мальчику*). И ты, Мишенька, не знаешь?

1-й мальчик (*неуверенно*). З... знаю.

Князь. А-а! Что же это такое?

1-й мальчик. Трава такая...

Князь. Трава-а... Вишь ты, что! А я, было, испужался... Так не верите в Бога-то? Зато Бог-то в вас верит да любит вас. Ну ладно! Молодо-зелено. Подрастете — многое узнаете. (*Ищет в кармане.*) Постойте, у меня тут где-то лишняя монетка заваялась. (*Подает.*) Натек-ка вам, на конфеты.

Мальчики. Спасибо!

Князь. Лавка-то Петра Емельянова в деревне еще есть?

2-й мальчик. Эка вспомнили! Вы, видно, и насамделе давно тут не бывали. Емельянов-то уж сколько лет как расстрелян.

Князь. О-о! Бедняга.

2-й мальчик. Ничего не бедняга. Он буржуй был.

Князь. А все ж таки человек.

2-й мальчик. Это конечно. А только заместо его теперь — кооператив.

Князь. Ну, так в кооперативе и купите. Прощайте, дети!

1-й мальчик. До свиданья!

2-й мальчик. Пока!

Разглядывая монетку и перешептываясь, мальчики уходят.

Князь. Спросить или не спросить? Спрошу! Небось, не выдадут. Дети... (*Кричит вдогонку мальчикам.*) Эй, ребятки! Вася, Миша, вернитесь-ка на минутку! (*Мальчики возвращаются.*) Вы, я вижу, Буйносово-то как свои пять пальцев знаете. Что я хочу еще спросить... Школа-то, что над прудом была, стоит еще али нет?

Мальчики. Стоит, стоит.

Князь. И ученье там есть?

2-й мальчик. Летом нету, а зимой есть.

Князь. Так, так... А учит-то там кто, учитель али учительница?

Мальчики. Учительница.

1-й мальчик. Наталья Сергеевна. Она хорошая.

Князь (*стараясь подавить волнение*). Наталья Сергеевна? Не знаю что-то... фамилия-то как?

Мальчики вопросительно глядят друг на друга.

1-й мальчик. Ага, вспомнил! Кременева.

Князь (*волнуясь*). Кременцова?

1-й мальчик (*поправляясь*). Кременцова, Кременцова!

2-й мальчик. Кременцова и есть.

Князь (*с деланным равнодушием*). Таковую не знаю. А я, было, думал — в школе-то учитель, Иван Иванович, живет... Ночевать-то сегодня в Буйносове, видно, не придется. Ну да день-то еще долгой. До вечера далеко уйду. Может, и до Каширина доберусь. Там у батюшки и заночую. Прощайте, родимые! Будьте здоровы.

1-й мальчик. Прощайте!

2-й мальчик. Пока!

Мальчики уходят.

Князь (*один*). Наташа — здесь. До сих пор! И, видимо, не замужем. Неужели встретимся?! Господи, Господи! (*Надевает снова котомку.*) Пока что обойду задами деревню и схоронюсь в лесу, а вечером... вечером, может быть, постучусь... в школу. Повидать — хоть на часок... на полчаса... на пять минут... дорогую Наташу — единственную мою, любимую, богоданную невесту!

А там... там — хоть к расчету, к Престолу Всевышнего. Иду. Тут, у дороги, небезопасно. Того и гляди, узнать могут.

Идет направо, вслед за мальчишками, и неожиданно сталкивается с выходящим навстречу маленьким, хилым старичком. У старика щетина на небритых щеках. Одежда поношенная, наполовину городская, наполовину крестьянская. За плечами у него мешок, в руках — палка.

Князь (задержавшись на мгновение при виде старика, невольно вскрикивает). А!.. (Потом овладевает собой.) Доброго здоровья! (Поклонившись, спешит пройти мимо.)

Старик (пораженный). Да... да... кого же это... кого же это я вижу?! Господи! (Палка падает на дорогу, рука тянется к фуражке, он обнажает голову.) Ваше... сиятельство! Ведь это — вы! (Князь, не оглядываясь, уходит; старик в отчаянии.) Дмитрий Алексеич!

Князь (останавливается, вытирает выступившие на глазах слезы и поворачивается к старику). Что вам нужно? Я... я — дьячок Елевферий Кресто... (Не выдерживает и бросается старику в объятия.) Иван... Иван Федотыч! Голубчик! Здравствуй!

Иван Федотович (целует руки князя). Князинька... князинька! Дмитрий Алексеич! Ваше сиятельство...

Князь (оглядываясь направо и налево). Тс-с! Помни, что здесь я — не князь, а дьячок, дьячок Крестовоздвиженский... Понимаешь?

Иван Федотович. Понимаю... Как не понять, ваше сия... Счастье-то какое! Кого Бог увидеть привел на восьмом-то десятке... князиньку родного, Дмитрия Алексеича!

Князь. Дьячка, дьячка!

Иван Федотович. Дьячка?! Тьфу! Какой вы дьячок!

Князь (радостно). Признал-таки?

Иван Федотович. Господи! Да я бы вас хоть в царской, хоть в мужицкой одеже, хоть днем, хоть ночью, из тысячей бы одного признал. Ведь сорок лет в вашем доме прожил, двадцать лет при покойном князе, батюшке вашем, камердинером состоял, да, почитай, столько же при вашем сия... при вас, то есть...

Князь (*ласково трепля старика по плечу*). И жив, жив? Ну, слава Богу! (*Поднимает и подает старику палку и ведет его к паркету*.) Присядем-ка здесь, старина. (*Усаживаются оба*.)

Иван Федотович (*ощупывая ряску князя*). Одежа-то... В этом-то виде — сиятельный князь! Ведь это что ж такое! (*Плачет*.)

Князь (*добродушно толкая старика в плечо*). Да ведь и ты не лучше меня одет! (*Серьезно*.) Перестань! Это не важно. Одежда — последнее дело. Послушай-ка лучше, что я тебе скажу.

Иван Федотович (*вытирая глаза рукавом*). Слушаю, слушаю...

Князь. Я тут задерживаться не могу. Ты-то меня не выдашь, а, избави Бог, узнает еще кто-нибудь! Тогда — конец. Меня не пощадят.

Иван Федотович. Где же пощадить! Волки, а не люди.

Князь. Ну вот. Да и для тебя нехорошо, коли тебя увидят вместе со мной. А потому не будем напрасно тратить время. Отвечай-ка мне быстренько, я тебя кое о чем спросить хочу.

Иван Федотович. Спросите, спросите, ва...

Князь (*прерывая*). Елевферий Антипыч!

Иван Федотович. Слушаю... Елевферий Антипыч! Наказанье Господне!

Князь. Ты что ж, в доме-то нашем больше не живешь?

Иван Федотович. И-и, где же? В семнадцатом году еще всех нас из дому-то выгнали, а в доме-то теперь приют для голодранцев, городских сирот, устроили.

Князь. Знаю, знаю... Что же ты теперь? Где живешь-то?

Иван Федотович. Где? У внучки замужней в Клекотках живу.

Князь. Туда и идешь?

Иван Федотович. Туда и иду.

Князь. Несешь-то что?

Иван Федотович. Картошку. За картошкой меня внучка-то к золовке в Буйносово послала.

Князь. Нуждаешься, Иван Федотыч? Сыт-то всегда ли?

Иван Федотович. Да ведь как сказать... Кто теперь сыт-то?

Князь (*вздыхает*). Не так я думал твою старость устроить!

Иван Федотович. Нешто ж я не понимаю, ваше...

Князь (*деликатно, но настойчиво*). Елевферий Антипыч!

Иван Федотович. Еле... ферий Антипыч... Да ведь жизнь-то вся колесом пошла. Вы-то сами как, ваше... голубчик, Дмит... Елеферий?

Князь. Да вот, проживал в чужих краях, соскучился и приехал... *(Снова оглядывается по сторонам.)* тайно приехал, на родную сторону поглядеть.

Иван Федотович. Эх, и напрасно ехали, родной мой! Обождали бы еще там. Жизнь у нас — тяжелая, горемычная. В народе — смятение. Говорят: при господах было плохо, а теперича еще хуже. Оно и понятно: ни в поле, ни в дому мужик — не хозяин.

Князь. Слышал, слышал. Расспрашивал мужиков-то по дороге. Скажи, княгиня-то, матушка, в том же году, в семнадцатом скончалась?

Иван Федотович. В том же году, Елеферий... Антипыч, ровно за месяц до того, как нас из дому-то выселили.

Князь. От воспаления легких скончалась матушка?

Иван Федотович. От воспаления, от воспаления... Господь-то был милостив, вовремя призвал княгинюшку-старушку. Что тут потом по округе-то творилось... и-и! волосы на голове дыбом встают, как вспомнишь.

Князь. Не поминала обо мне княгиня перед смертью?

Иван Федотович. Как же! Как же, батюшка, не поминала! Имячко-то ваше с уст у нее не сходило во все время болезни. Уж как горевала княгиня, бедная, что проститься с вами не может! *(Придвигается поближе к собеседнику.)* И еще что сказать вам обязан, ваше... Дмитрий Алексеич. Каялась ведь княгиня-то, каялась, что они с покойным супругом, князем-то, батюшкой вашим, не дозволили вам жениться-то на учительнице, на Наталье Сергевне...

Князь. Да что ты говоришь?

Иван Федотович. Сущую правду говорю, ваше сиятельство, вот как перед Истинным! *(Крестится.)* Мучилась через это очень княгиня-то Прасковья Илларионовна, мучилась. Бобылем теперь, говорит, князь Дмитрий остаться должен, из-за нашей родительской жестокости. Знаю, говорит, что он верен будет своему слову и ни на ком, кроме Наташи, не женится.

Князь (*растроганный и удивленный, покачивает головой*).
Ах, ах!..

Иван Федотович (*продолжая*). Да. А в день-то кончины при- звали княгиня Наталью Сергевну к себе...

Князь (*пораженный*). Не может быть!

Иван Федотович. Истинно так, ваше сиятельство! При- звала, обняла, поцеловала и прощенья у Натальи Сергевны просила. Вот, говорит, Бог-то нас наказал за нашу гордость. Теперь не только княжеские, а и царские короны валяются... Помешали, говорит, мы вашему счастью! Сколько слез тогда обе пролили!

Князь (*смахивая слезу*). Ну, спасибо... Спасибо тебе, дорогой Иван Федотыч, за твой рассказ! Неоцененную ты мне оказал ус- лугу. Большую тяжесть с души моей снял, помирил меня с памя- тью матери... Как я рад, что открылся тебе!

Иван Федотович. А уж я-то как рад, ваше сият...

Внезапно умолкает. Слева, заложив руки в карманы и посви- стывая, проходит чернявый паренек лет 23, в одежде городского рабочего.

Иван Федотович (*оглянувшись, подымается с места и почти- тельно кланяется рабочему*). Мое почтение, товарищ Бубенцов!

Бубенцов. Здорово, старина! Кряхтишь еще?

Иван Федотович. Пока еще Бог носит, товарищ Бубенцов!

Бубенцов. Смотри, кабы не рассердился да не перестал но- сить-то! А? Ха-ха-ха!

Иван Федотович (*разводя руками*). В животе да в смерти Бог волен.

Бубенцов. А это с тобой что же за фигура?

Иван Федотович. А это... так... прохожий один, странничек.

Бубенцов. Странничков-то мы, дед, не очень любим. (*Обра- щаясь к Стародубскому*.) Ты кто такой, откуда?

Князь (*тоже подымаясь с места*). Дьячок я, товарищ. Пере- вели меня в дальний приход, туда вот и пробираюсь.

Бубенцов. Вид на жительство при тебе?

Князь. А то как же! При мне.

Бубенцов. Ну-ка, покажи!

Князь. Извольте.

Достаёт из-за пазухи бумагу и протягивает Бубенцову. Тот её внимательно просматривает и возвращает назад.

Бубенцов. В порядке. Можешь идти дальше! (*Князь молча кланяется.*) О чем это вы тут тары-бары разводили?

Князь. Старики... стариковские и разговоры вели. Кто да откуда, да как в нашей стороне хлебушка уродился, да когда престол будет в храме... О чем нам и говорить-то больше?

Бубенцов. Ладно. Только поскорей кончай эти разговоры-то да смывайся отселева! Нечего тебе тут прохладиться. Мы и сами — народ разговорчивый, ужотко без тебя обойдемся. Ха-ха! Слыхал? Ну, пока! (*Прикасается к козырьку кепки и уходит направо.*)

Князь (*после короткого молчания, тихо*). Это что же за птица?

Иван Федотович (*с испуганным выражением, шепотом*). Это самый их главный комиссар-то в Буйносове и есть, Бубенцов по фамилии. Чисто горе, везде свой нос сует! Ходил, видно, на поля проверять, как бабы работают.

Князь. Неприятная встреча!

Иван Федотович. Да уж чего там! Я вам, голубчик, Дмитрий Алексеич, вот что посоветую. Пробирайтесь-ка вы, не мешкая, дальше, своим путем-дорогой. А то, неровен час, встретитесь опять с Бубенцовым. Не оставит он вас в покое.

Князь. Я и сам то же думаю. Надо идти. Ну, верный слуга, прощай покамест! (*Обнимаются и целуются.*) Храни тебя Бог. Может, и услышишь еще обо мне. А вот тебе (*Сует ему в карман деньги.*) маленькое подспорьеце от меня.

Иван Федотович. Да что вы! Да зачем же? Ну, спаси вас Бог! Пойду, а то кабы вас в беду не ввел. Прощайте, ва... Не поминайте лихом!

Снова целуются, после чего старик, всхлипывая и утирая глаза, с палкой и с мешком за плечами, уходит налево.

Князь (*один*). Нет, товарищ Бубенцов! Как бы это вам ни было неприятно, а Буйносова я не покину до тех пор, пока... пока не увижу Наташу!

Занавес

Действие IV

Скромная комнатка сельской учительницы. Вечер. У небольшого стола, покрытого цветной скатертью, под зажженной керосиновой лампой с абажуром сидит за чтением Наталия Сергеевна Кременцова, шатенка лет 35 с красивым, энергичным лицом и лучистыми глазами.

Внезапно за раскрытым окном, в темноте, неясным пятном мелькает какая-то фигура. Затем раздается легкий стук в стекло.

Кременцова (*опуская книгу и поворачивая голову к окну*). Кто там? Нюша, это ты?

Голос князя из окна. Нет. Не пугайтесь, Наталья Сергеевна! Это я, один ваш старый знакомый...

Кременцова (*в недоумении*). В чем дело?

Кладет книгу на стол, встает и подходит к окну. Фигура передетого дьячком князя вырастает перед нею.

Кременцова (*в испуге отшатываясь*). Что вам нужно? Кто вы такой? Я вас не знаю!

Князь. Успокойтесь, Наталья Сергеевна! Я — Дмитрий Алексеевич.

Кременцова (*потрясенная*). Как?! (*Узнавая князя.*) Ах!

Князь (*поспешно*). Я вернулся нелегально. Не удивляйтесь моей внешности. Я хотел бы... переговорить с вами. Я знаю, что подвергаю вас страшной опасности, но я... я не задержусь у вас более чем на пять-десять минут. Если возможно, позвольте мне войти! Тут, у окна, хуже. Скорее заметят.

Кременцова (*как бы собираясь с силами*). Да, да... Войдите! Я сейчас отопру.

Князь. Но предварительно закройте окно и задерните штору!

Кременцова. Хорошо.

Закрывает окно, задергивает штору, радостно шепча: «Боже мой, Боже мой! Дмитрий вернулся!» Открывает дверь. Князь входит и долгим поцелуем припадает к руке Натальи Сергеевны. Она целует его в голову.

Князь. Здравствуйте, Наталья Сергеевна!

Приподымает голову, взглядывает в лицо Кременцовой и с криком «Наташа» крепко обнимает ее.

Князь. Как я счастлив, что вижу вас!

Кременцова. Здравствуйте, дорогой друг! Я просто не верю своим глазам. Садитесь, пожалуйста!

Князь. Спасибо.

Вытирает пот со лба, снимает и кладет на пол котомку и садится на один из стульев у стола. Кременцова садится на другой стул.

Кременцова (вглядываясь в князя, любовно). Поседел, постарел... Но глаза — все те же. И улыбка. А что обозначает этот костюм?

Князь. Маскарад. Просто маскарад. Я вынужден был нарядиться дьячком в целях перехода границы, да так и остался.

Кременцова. Вы не голодны? Хотите чего-нибудь поесть? Чаю?

Князь. Нет, нет, ради Бога, ничего не нужно! Я сыт. И, во всяком случае, могу найти еду в другом месте. А сейчас мне дорога каждая минута. Разве... глоток воды? В горле пересохло.

Кременцова (быстро вставая). Сейчас! (Наливает воду из кувшина в стакан и подает князю.)

Князь. Благодарствуйте! (Пьет жадными глотками, и в то же время не спускает с Натальи Сергеевны радостный, восхищенный взор. Возвращает стакан.) А вы за эти девять лет, что мы не виделись, совсем не переменились.

Кременцова. Ах, что вы!

Князь. Та же, все та же, клянусь вам! Стали только сдержаннее, величавее, и еще... еще прекраснее!

Кременцова (*машет рукой*). До того ли мне было!

Князь. И вы не ждали меня?

Кременцова. Ну как не ждала! (*Внезапно прикладывает носовой платок к глазам, сквозь слезы.*) Конечно, я мечтала, что вы вернетесь при других обстоятельствах, а не как теперь — беглецом, в рубище, не смея даже войти в свой дом...

Князь. Дорогой друг, все это теперь не имеет значения. Не скрою, я перенес много тяжелого, но в данную минуту, когда я вижу вас, все ужасы исчезают.

Кременцова. Я сама... так счастлива! (*Князь снова целует ее руку, она гладит его по волосам.*) Но откуда же вы? Какими судьбами? И куда направляетесь? Или думаете задержаться здесь? Ведь это связано со страшным риском!

Князь. Я из Парижа. Приехал, чтобы увидеть родной дом, родные места... увидеть вас... Я страшно скучал за границей! Что же касается дальнейшего, то я о нем пока и сам ничего не знаю. Ну, а вы? Как вы жили и живете? Не притесняют вас? Как вы себя чувствуете?

Кременцова. Жила я эти годы тяжело. Но старалась не замечать времени. Жила автоматически. Иначе было бы еще тяжелее. Притесняют ли меня? Конечно, притесняют. Но кого в России не притесняют? Все же терпим... и как-то живем... работаем.

Князь. Вы продолжаете оставаться школьной учительницей?

Кременцова. Да.

Князь. Но удовлетворяет ли вас ваша работа?

Кременцова. Вы, может быть, будете удивлены, но я должна ответить по совести — да.

Князь. А марксистские программы? А пение «Интернационала»?

Кременцова. Все это есть. Но... (*Улыбается.*) есть ведь также и дети. А это самое главное. Инициатива связана, но все же остается возможность воздействовать на учеников личным влиянием. Я их люблю, мне их жаль, и я стараюсь быть им полезной, чем могу.

Князь. И что же, они ценят ваше отношение, вашу доброту?

Кременцова. О, дети не были бы детьми, если б они этого не ценили! И потом, учтите страшную жажду знания, какая проявляется сейчас в деревне. Революция, так или иначе, разбудила народ,

и в этом отношении значение ее огромно. Мы движемся, идем. Куда мы придем, это неизвестно, но факт тот, что мы не стоим на месте.

Князь. Но я все-таки думаю, что ваша задача нелегка.

Кременцова. Нелегка. Кто ж говорит — легка? Но другого выхода нет. Так работает вся русская интеллигенция.

Князь. Не для партии, а для народа?

Кременцова. Вот именно.

Князь (*задумчиво*). Я так это и предполагал. И знаете, Наталья Сергеевна, я как раз хотел бы посоветоваться с вами. Мне тяжело было оставаться за границей, в полном отрыве от своего народа. Я вернулся. И теперь хотел бы... хотел бы, со своей стороны, влиться в работу интеллигенции.

Кременцова. Не знаю, Дмитрий Алексеевич, удастся ли вам это. Слишком долго пробыли вы вне России.

Князь. Оторванным от нее?

Кременцова. Да.

Князь (*с горечью*). Выходит, что мне не надо было и пытаться восстановить свою связь с родиной?

Кременцова. О, нет! Я этого не хочу сказать. Но... быть может, все же вы напрасно вернулись так рано.

Князь. Согласитесь, что это звучит парадоксально.

Кременцова. Я поясню свою мысль. Мне кажется, что вы слишком долго пробыли за границей, чтобы не оторваться от России, и недостаточно долго, чтобы получить возможность воссоединиться с ней.

Князь. Короче, вы хотите сказать, что процесс выздоровления страны после перенесенного потрясения еще не закончился и что мне лучше было бы посидеть еще в Париже и подождать, пока все здесь поосновательнее утрясется?

Кременцова. Да.

Князь. Может быть, вы и правы. Я сам начинаю склоняться к тому, что я поторопился. Но что же мне теперь делать, милая Наталья Сергеевна? Попытаться, с теми же опасностями, перебраться назад через границу?

Кременцова. Едва ли не так... (*С внезапно оживившимся и просиявшим лицом.*) Или же действительно забыть... ну, совсем забыть о своем имени, происхождении, значении, о той или иной

политической задаче и уехать отсюда, из Буйносова, куда-нибудь далеко, далеко в пределах нашего Союза, может быть, куда-нибудь в Сибирь, на Алтай, в какой-нибудь уездный городок и там...

Князь. Что, стать учителем?

Кременцова. Если сможете. Или же... Но это еще труднее!..

Князь. Или же?

Кременцова. Стать действительно дьячком, а со временем, быть может, дьяконом, священником и служить своему народу, от которого вы не хотите отделаться, в этом звании, ободряя и утешая его в его доле словом Евангелия.

Князь (*совершенно ошеломленный*). Это никогда не приходило мне в голову и совсем не входило в мои планы.

Кременцова. Человек предполагает, а Бог располагает.

Князь (*тихо*). Ну, ну... Объясните же, объясните ваши слова!

Кременцова. Да что же объяснять? Мне кажется, что это — единственное, что вы можете сделать в вашем положении и в нынешних условиях.

Князь (*в волнении вставая и начиная ходить по комнате*). Да, да... Назад, за границу я, во всяком случае, не вернусь. Это решено. Как бы то ни было, а здесь моя родная земля и мой народ. Здесь, и в Сибири — тоже. (*Останавливается перед Кременцовой, с чувством.*) Только ваше прекрасное сердце могло создать такой план! (*Задумывается.*) Что же? Значит, не остригать уже больше этих волос? (*Поднимает прядь своих длинных волос.*) Превратить этот убор (*Указывает на подрясник.*) из недостойного маскарада, компрометирующего меня как православного человека, в подлинное, настоящее одеяние? Забыть о своем княжестве? О, это-то мне нетрудно! Не трудна будет и скромная жизнь. В эмиграции я привык к наискромнейшей.

Кременцова. Да, пусть князь Рюрикович отдаст себя, свое сердце народу.

Князь. Прекрасно! Я готов. Впрочем... дьяконом и священником меня не сделают.

Кременцова (*удивленно*). Почему же?

Князь. Потому что я не женат.

Кременцова (*опуская голову*). Ах, да! Правда.

Князь (*волнуясь*). А между тем, и на самом деле, насколько легче

был бы для меня этот новый жребий, если бы я нес его не один!

Кременцова. Не один?

Князь. Да. И если бы там, в далекой Сибири, вы были бы около меня... *(Снова присаживается к столу напротив Кременцовой и берет правую ее руку в свои руки.)*

Кременцова *(смущенно)*. Дмитрий Алексеевич!

Князь. Милая Наталья Сергеевна... Наташа, подумайте! Нам принадлежит только одна жизнь. А между тем половина ее была съедена, сначала светскими предрассудками моих родителей, потом — войной и революцией. Помните, как мы мечтали о совместной работе в земстве? Земства уже нет. Но возможна совместная работа для родного народа в другой, более высокой области — церковной. Вам не надо для этого прерывать и вашей педагогической деятельности. Терния на пути будут, но без них не обошлась бы наша работа и раньше... Неужели же вы, Наталья Сергеевна, вы, подающая мне мысль о новом призвании, о возрождении духовном, вы, знающая мою давнишнюю привязанность, мою верность, мое глубокое преклонение перед вами, — неужели же вы откажетесь стать со мною рядом и разделить остающийся нам жизненный путь?! С вами я готов был бы на любой подвиг!

Кременцова *(склонив голову)*. Я не говорю вам «нет».

Князь. Наташа!

Приникает к ее руке губами. В это время за окном раздаются громкий хохот и крики: «Договорились! Довольно! Бери их, ребята!» Гул бегущих ног.

Князь *(бледнея)*. Выследили... Наташа!

Кременцова. Дмитрий!

Едва успевают вскочить и, схватившись за руки, обернуться лицом к двери. Врывается комиссар Бубенцов с револьвером в руках, за ним толпа рабочих и крестьян.

Бубенцов. Ага, открылись, господин дьячок! Князь! Рюрикович! Так я и знал, что дьячок-то вы липовый. Меня, гражданин, не проведете. Не на таковского напали. Я на вашем брате, аристо-

кратах и «ка-эрах», три года во Владимирском ГПУ сидел. Ну как, товарищи крестьяне, узнаете под этой личиной вашего кровопийцу-помещика, князя Дмитрия Алексеевича Стародубского?

Кременцова. Князь Стародубский кровопийцей не был! Он был другом народа! Это знала вся Россия.

Бубенцов. Вас не спрашивают. Что же, товарищи крестьяне? Ну?

Некоторые из крестьян (*приглядываясь к Стародубцеву*). Гляди, ребята, и вправду — князь! Князь и есть! А одежонка-то, одежонка-то, братцы мои! А волоса-то поповские! Ну, да своего обличья не скроешь. Князь это, что и говорить. Он самый, Митрий Ляксеич. Явственно!

Старик-крестьянин (*кланяясь*). Здорово живешь, Митрий Ляксеич! Уж ты прости нас, батюшка! Не по своей мы воле... За-место понятых нас взяли.

Бубенцов (*отталкивая старика в сторону*). Болтаешь лишнее, гражданин Федосьев! Тоже в тюрьму захотел? И так, товарищи, помещик Стародубский, нелегально, по всем видимостям — со шпионскими целями прокравшийся из-за границы в страну Советов, опознан. Забирай его, товарищи!

Двое-трое рабочих кидаются к Стародубскому и хотят оторвать его от учительницы.

Кременцова (*продолжая крепко держать князя за руку*). Берите и меня с ним!

Князь. Наташа, что ты?!

Бубенцов. Так, так! Добрался я, наконец-то, и до вас, уважаемая Наталья Сергеевна! Не беспокойтесь, свои обязанности хорошо знаю. И вам, и княжескому камердинеру по одной дорожке с бывшим его сиятельством сегодня прокатиться придется.

1-й рабочий. Княгиней захотела быть!

2-й рабочий. Только опоздала маленько. У нас, в Советской России, княжества-то разные да графства отменены.

Князь. Не оскорбляйте женщину! (*Бубенцову*.) Гражданин комиссар, умоляю вас не арестовывать учительницу Кременцову! Она ни в чем не виновата. Она не ждала меня, она ровно ничего не знала о моем приезде. Виноват один я.

Кременцова. Нет, нет и нет! Наша судьба должна была стать общей — пусть же она будет общая! Или ты думаешь, что я теперь могла бы жить без тебя?

Бубенцов. *(Стародубскому).* Раз вы оказались в квартире у Кременцовой, я должен арестовать вас обоих.

Князь *(кидаясь на колени перед Кременцовой).* Погубил я тебя, Наташа! Прости, Христа ради!

Кременцова *(поднимая и обнимая его).* Не за что мне тебя прощать. Ты не мог, не смел ко мне не прийти! Сам Бог нас соединил.

Бубенцов. Ладно, довольно! Повидались, объяснились. Теперь — в путь. Там, в губернии, дело ваше разберут. *(Учительнице.)* Можете взять пальто и шляпу. *(Стародубскому.)* А вы котомку свою забирайте.

1-й рабочий. Гепеу вам свадьбу сыграет.

2-й рабочий. Может, в Сибирь пошлет, по вашему плану, а может, и подальше!..

Бубенцов *(одному из рабочих).* Товарищ Иванов, ты с товарищем Ельцовым останешься у этих дверей на карауле. Не пропускай сюда никого, ни под каким видом! Я вернусь — произведу обыск. Ну, идем!

Трогаются. В дверях Стародубский вдруг останавливается и оборачивается назад.

Князь. Никита Иванович... Тарас... братцы! Прощайте! Не поминайте лихом! Спасибо за труд, за ласку, за любовь ко мне и к нашей семье! Передайте миру мой низкий поклон! Рад, что хоть не свободным человеком, а все же повидал вас... А всю землю свою — помните, мужики! — завещаю вам, всему миру в вечное владенье! Других наследников у меня нет.

Голоса крестьян. Покорнейше благодарим! Не забудем! Прости, Христа ради!

Бубенцов *(в бешенстве).* Молчать! *(Рабочим.)* Выводи живей этих контрреволюционеров!

Рабочие выталкивают Стародубского и Кременцову.

Действие V

Камера смертников в тюрьме ГПУ. Полутемное помещение в подвале. Грязные стены с пятнами сырости. Посредине — некрашенный деревянный столик, на нем две-три кружки для воды и краюха хлеба. У столика — два-три табурета. Вдоль стены три-четыре деревянные койки с соломенными тюфяками и подушками в грубых серых чехлах, без одеял. Столько же тюфяков лежит на полу. Теснота. Вечер. За окном розовеет заря.

Семь архиереев разного возраста, от 35 до 80 лет, среди них один архиепископ, почтенный старец, собрались вокруг князя Стародубского, сидящего у столика. Некоторые архиереи расположились на табуретах и на койках, другие стоят или даже, время от времени, с задумчивым видом прохаживаются по камере. Лица у всех — бледные, истомленные, одежды износившиеся. Головы архиереев не покрыты, черные клобуки покоятся в изголовьях постелей.

Князь. Вот, преосвященные, и рассказ мой. Примите его как исповедь. Ничего не скрыл, ничего не утаил от вас. Повторяю, шел я в Россию не для того, чтобы взрывать поезда и мосты и организовывать контрреволюцию, в чем меня обвиняют следователи, а только для того, чтобы воссоединиться с Родиной. Шел с покорностью, доверием и любовью, как сын, возвращающийся к Матери. Думал найти здесь свое счастье, быть полезным другим. Бог судил иное!

Архиепископ (*покачивая головой*). Бог судил иное! Судьбы Божии неисповедимы. Благодарю вас от души за вашу исповедь, дорогой князь. Вы подвели в ней итоги вашей жизни, как и каждый из нас в этих стенах сделал это и в своей душе, и перед остальными братьями, за себя самого. Итоги вашей жизни — прекрасны. Много вы пережили, много видели, много сделали. Бог возлюбил вас и послал вам многие дары чрезвычайные: славное имя, высокое положение, богатство, любовь, дружбу. Возблагодарите Господа за его милости!

Князь. Непрестанно благодарю, владыко.

Архиепископ. Но щедротам Всевышнего нет конца! Кого Бог возлюбил, того Он не покинет. Вы, быть может, спросите,

что же значат все эти лишения, которые и вы лично, и все мы, грешные, здесь находящиеся, понесли и несем? Да, быть может, только то и значат, что Господь одни дары заменил другими, узрев, что из состояния духовного детства мы перешли в состояние зрелости и полноценности духовной. Вот Он и отнял у нас, как ставшие ненужными детские игрушки, все то, что так тешило нас раньше: положение, почет, роскошь. И наградил взамен радостью о Господе, за которого сподобились мы пострадать. Победою над плотью, сознанием полнейшей свободы духовной, сменившей свободу внешнюю, чувством глубокой взаимной братской любви. Наконец вожделенным обетом славнейшего из всех венцов — венца мученического. Милый брат Дмитрий Алексеевич, скажу вам святую истину: человек никогда не бывает ближе к Богу, как когда он бывает в беде!

Князь. Я уже познал эту истину, владыко.

Архиепископ. И мы, смиренные предстатели церкви православной, крепко усвоили эту истину за дни нашего заключения. Радость-то какая! Нас заперли тут, от всего мира отлучили, а Господь Иисус Христос, по неизреченной любви и милосердию своему, принял нас, недостойных, прямо в свое святое лоно.

Князь. Я счастлив, ваше высокопреосвященство, что Господь сподобил меня разделить это заключение с вами и с целым собором святителей. Человек я мирской, силы мои слабы, но я всей душой понимаю и принимаю то, что вы изволили высказать.

Архиепископ. Искренно рад слышать это от вас. Поверьте, князь, что и я, и весь наш малый синклит (*Обводит вокруг рукой.*) почитаем вас за своего, за милого брата, за верного сына церкви православной.

Князь (*смущенно*). А мой грех, владыко?

Архиепископ. Какой?

Князь. Что позволил я себе, при переходе границы, использовать звание, обычай и одеяние церковнослужителя?

Архиепископ. А-а!.. Точно, согрешили вы, ваше сиятельство! Но поелику не намеревались вы при этом над званием церковнослужителя поглумиться, а прибегнуть к сему довольно невинному маскараду принудило вас горячее желание вернуться

на родину, — аз, смиренный архиерей, разрешаю вас от этого греха!

Князь (*радостно*). Облегчили вы мою душу, владыко!

Архиепископ. А теперь мы ее возвеселим. Богослужение-то ведь вы знаете? У большевиков на границе экзамен выдержали? В дьячки, по совету учительницы Натальи Сергеевны, поступить собирались? Вот я и нарекаю вас дьячком! Бог даст, освободитесь. Вот и начинайте в сем скромном звании — хоть при моем архиерейском храме в нашем городе — свое служение Церкви Божией!

Князь (*подымаясь, тронутый*). Прошу благословения вашего высокопреосвященства!

Архиепископ (*тоже подымаясь и благословляя князя*). Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Господи благослови!

Молодой архиерей (*обращаясь к архиепископу*). Уж дозвольте, ваше высокопреосвященство, по сему случаю возгласить князю «аксиос»!

Архиепископ (*добродушно*). Ну что ж! (*Возглашает первым*.)
Аксиос, аксиос, аксиос!

Все остальные архиереи (*хором*). Аксиос, аксиос, аксиос!

Князь (*кланяется архиереям*). Благодарю вас, преосвященные! (*Потом садится и смахивает с глаз набежавшую слезу*.) Где-то теперь та, что советовала мне перейти в духовное звание! Горько, горько мне, владыко, что был я причиной ее ареста, ее и бедного старика-слуги!

Архиепископ. Ту, о ком вы говорите, одна минута свидания с вами после стольких лет разлуки вознаградила за все. Учтите это! И верный камердинер ваш был, конечно, счастлив, что мог обнять своего господина перед всегда грозящей нам всем вечной разлукой... К тому же мне лично сдается, что дорогая вам особа и верный слуга ваш не пострадают и будут отпущены с миром на свободу. В самом деле, ведь невинность их к Небу вопиет! Ну, а коли ошибаюсь, то да будет на все Господня воля! Положитесь на нее. Молитесь, просите, и Господь сотворит по прошению вашему.

Князь. Буду молиться.

Архиепископ. Да, да, возложите все упование на Господа Иисуса. Вы теперь — как воин перед последней битвой. Ничто лиш-

нее не должно обременять вас, никакие земные заботы. Знаете сами, какие испытания готовят вам силы адавы.

Князь. Знаю, владыко.

Архиепископ. Будут угрожать вам смертью. Но «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Все помыслы ваши сосредоточьте на великом слове Христовом: «Аз есмь воскресение и живот, и веруяй в Мя имать живот вечный».

Несколько голосов из среды архиереев. Аминь!

Архиерей мрачной наружности. Истинный гроб наш — это тело наше. Когда мы рождаемся, души наши кладутся в гроб нашего тела. Со временем гроб этот постепенно разрушается и душа наша все более и более освобождается. Сгнил, рассыпался гроб — душа опять свободна. Так учит Гераклит.

Архиепископ. Да, и в писаниях древних много мудрого. А Христос-Спаситель древнюю мудрость восполняет и одухотворяет — словом любви.

Князь (*архиепископу*). Хочу покаяться перед вами до конца, ваше высокопреосвященство. Удручает меня еще одна забота.

Архиепископ. Что же это за забота, сын мой?

Князь. Забота о том, что по смерти — а смерть, очевидно, все же наступит здесь, в тюрьме, — зарыто будет мое тело без отпевания, без обряда церковного. Тяжела мне эта мысль как пражославному человеку!

Архиепископ. И этому горю помочь можно.

Князь (*удивленный*). Каким же образом?

Архиепископ. Ты взгляни на нас, чадо Дмитрий. Вот нас тут семь иерархов церкви российской, шесть епископов да я седьмой — архиепископ. Неужели же ты думаешь, что мы не ставили себе того вопроса, который ты сейчас поставил? Ведь и мы все здесь — обреченные. Вот-вот откроется дверь, и кого-нибудь из нас, а может быть, и всех вместе, позовут на казнь. И хоть и знаем мы, что это — венец мученический, коего недостойны мы по слабости и греховности нашей, а все же грустно было и нам, как тебе, думать, что тела наши будут преданы земле без отпевания, не прозвучит над гробом нашим ни прощальное слово иерея, ни торжественное пение молитв погребальных.

Князь. Ну... и что же?

Архиепископ. Ну, мы и нашли способ помочь себе в этом деле.

Князь. Какой же? Разве и при большевицкой тюрьме есть священник?

Архиепископ. Увы, священники в большевицких тюрьмах пребывают только в камерах, под замками. С ними мы и имели дело. Короче говоря, мы сами отпели друг друга.

Князь. Как?! Сами... отпели?

Архиепископ. Ну да. Все мы здесь — отпетые. И все каждую минуту готовы к смерти.

Князь. Но ведь вы... отпевали друг друга... живых?

Архиепископ. Да, живых. Что же делать-то, если, умерши, мы уже не найдем никого, кто бы нас отпел?!

Князь. Владыко... мне страшно это!

Архиепископ. Да чего же бояться-то? Ведь, по правде говоря, все мы к той, другой жизни уже едва ли вернемся. Едва ли выйдем из тюрьмы. Стало быть, можем смотреть на себя как заживо погребенных. А коли мы погребены, так, значит, можно и отпеть нас. Ведь мы все равно как бы уже и мертвецы.

Князь в тяжелом раздумье, сидит молча, склонив голову на руку. Заря гаснет, и в камере становится темно.

Архиерей мрачной наружности (*встает, подходит к Стародубскому и кладет руку ему на плечо*). Не малодушествуй, брат! Решайся! Все помолимся за тебя. Усладим твой слух молитвой теплою, сладким пением по древнему чину. Умрешь как христианин.

Князь (*после продолжительного молчания*). Хорошо, святые отцы. Прошу вас... отпойте и меня!

Архиерей мрачной наружности. Сейчас?

Князь. Хотя бы и сейчас.

Легкое движение между архиереями.

Архиепископ. Не робей, чадо! Прими смерть, а, принявши смерть, легко принять и обряд похоронный.

Пожилой архиерей. И откладывать обряда не надо. Еще Бог знает, успеем ли мы его довести-то до конца!

Князь (*шепчет*). Да, да, правда.

Архиепископ (*встает, берет свой клобук и надевает его*).
Приготовьтесь, братие!

Все архиереи надевают клобуки.

Пожилой архиерей (*князю указывая на ближайшую скамью*).
Приляг здесь, брат Дмитрий! (*Князь ложится.*) Сложи на груди ручки-то!

Князь складывает на груди руки, как это делают у покойников. Между тем все архиереи становятся полукругом около скамьи. Архиепископ — в центре.

Архиепископ. Что же, ваше сиятельство, позволите начинать?

Князь. Да... начинайте, пожалуйста.

Архиепископ (*торжественно*). Благословен Бог наш, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков!

Все архиереи (*при почти незаметном дирижировании пожилого стройно поют*). Аминь!

В это время вдруг раздается лязг поворачиваемого в замке ключа, дверь растворяется и в камеру входят с фонарем трое чекистов. У одного из них в руках список.

Чекист (*вызывает по списку, другой чекист светит ему фонарем*). Дмитрий Алексеевич Стародубский! Здесь?

Князь (*приподымаясь на скамье, весь побледневший, но мужественно глядя в лицо чекисту*). Здесь!

Чекист. С вещами по городу! Собирайся!

Князь (*медленно оглядываясь на архиереев*). Это что же? Смерть?

Архиепископ. Мужайся, сын мой! Да благословит тебя Господь! (*Благословляет князя и обменивается троекратным братским лобзанием с ним.*)

Остальные архиереи (*поспешно окружая князя, лобызая и благословляя его*). Да благословит тебя Господь, дорогой брат! Прощай, дорогой брат, до радостного свидания в лоне Отчем! Говорю

не «прощай», а «здравствуй» — в воскресении живота! Мужайся, дорогой брат! Молись!

Отхлынули. Князь — один. Он склоняется в земном поклоне перед всей группой архиереев, потом встает и, выпрямившись, обращается лицом к чекистам.

Чекист. Готов?

Князь. Да, готов!

Чекист. А где же вещи?

Пожилой архиерей (подавая чекисту котомку князя). Вот то, что принадлежало нашему брату и что теперь уже не нужно ему.

Чекист (Стародубскому). Неси! (Князь безмолвно принимает вещи.) Идем!

Князь безмолвно, не торопясь, идет к выходу. Чекисты пропускают его, выходят следом и захлопывают дверь. Из коридора доносятся, все затихая, их грубые голоса и шум шагов. В камере могильная тишина. Архиереи стоят полукругом, безмолвные и неподвижные, точно изваяния. Так проходит несколько минут.

Вдруг издалека доносится выстрел, и в то же мгновение архиереи, по знаку, данному пожилым, тихо запевают: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего».

Под звуки этого пения занавес тихо опускается

Подготовил к печати Владимир Росов